

Реквием по двадцатому веку (Отрывок из поэмы)

Двадцатый век, ты породил нацизм,
Он и сегодня людям угрожает...
Остановить рожденный им фашизм
Сожженых души к нам с небес взывают.

Фашизм вползает чёрною волной,
Свои следы повсюду оставляя:
Вновь люди между миром и войной,
Вновь кровь течет и матери рыдают.

Двадцатый век – одну большую рану
Все человечество несет в своей груди...
За все, огнем пылающие страны,
Нам с вами от ответа не уйти.

Себе вопрос невольно задаешь:
Что сделал ты, чтоб зло остановить?
Чем жил ты, человек? И чем живешь?
Умеешь ненавидеть и любить?.....

Умеешь ли за правду постоять?
Пусть и слова твои иных пугают,
Сумеешь ли ее ты отстоять
Пред теми, кто людьми повелевает?

Лев Спивак. Беэр - Шева

КОГДА МЫ НЕ РАВНОДУШНЫ

Всесторонне изучая историю человечества, невозможно обойти стороной исторические ступени становления и развития моего народа. И чем глубже и кропотливее углубляешься в историю еврейства, тем все более проникаешься уникальностью ее трагизма и величия. Особой пронзительной болью отзываются в душе страницы нашего недавнего прошлого: трагическая история Холокоста. Я не оговорилась, называя это время «нашим недавним прошлым». Мало того, я совершенно уверена, что до сих пор оно остается и нашим настоящим. И дело тут не только в том, что живы еще люди, которым посчастливилось выбраться из этого ада, не только в том, что, пожалуй, нет среди европейского еврейства семьи, которой не коснулась бы смертоносная лапа Холокоста, дело не только в том, что воспоминания живых записаны в их душах кровавыми незаживающими ранами. **Холокост – это наше настоящее до тех пор, пока смердящая угроза антисемитизма все еще воинствует, все еще существует.**

Это наше настоящее до тех пор, пока мир не поймет, что нельзя забывать трагических уроков возникновения Холокоста, нельзя не понимать, что именно беспамятство и безразличие людей, каждого в отдельности, а также целых государств и их правительств, приводит к таким нечеловеческим акциям, которым явился в истории человечества – Холокост.

В «портфеле» журнала хранятся письма людей, чудом избежавших смерти в концлагерях и гетто. Их свидетельства о чудовищных злодеяниях фашистов, о гибели близких, о массовых убийствах целых семей, целых местечек, о тысячах и тысячах невинных жертв, о шести миллионах евреев – жертв Холокоста – это то настоящее, о котором мы не имеем права молчать.

Это не просто письма, не просто бумага, нервно, нетерпеливо и с горечью исписанная людьми, которым невыносимо молча хранить незабываемые живые сцены пережитого ужаса, не просто откровения, написанные дрожащей рукой, не просто строчки со следами слез, – это бесценные документы правды жизни и смерти.

Это память, которую доверяют нам люди. В назидание, в помощь, в прозрение. Это всем, кто не глух к судьбе своего народа и своей страны. Мы не имеем права делать вид, что нас это не касается. Эти воспоминания – крик души не о прошлом, а скорее, – о будущем! Те, кто отмахивается от уроков истории, рисуют наступить на грабли еще более трагических событий. Крик вопиющих не должен оставаться не услышанным, потому что, несмотря на прошествие лет, тема Холокоста – это не только еще далеко не раскрытая дверь к правде, но наоборот – это дверь, которую все явственнее пытаются плотно и накрепко закрыть, а ключ потерять. «Нет, Холокоста и не было!»

Особенно важен наш журнал и для тех, кто по молодости своей просто не знает всей правды. Молодое поколение, внуки и правнуки тех, кто хранит еще память, так необходимую человечеству, встречаются с этими людьми, видят их каждый день, живут рядом с ними, но зачастую не понимают, как важно это именно для новых поколений: не только слышать, но обязательно услышать и понять, и помнить все, о чем пытаются поведать им люди, только по чудесной случайности, не ставшие пеплом в те страшные времена. Важно, чтобы новые поколения поняли, как важна эта обжигающая душу правда не только тем, кто хранит ее, а именно им, молодым, чтобы не повторилось и в их жизни эта сокрушительная историческая несправедливость, когда человека уничтожали только за то, что он родился евреем.

Мы приветствуем каждого, кто берет в руки наш журнал, совершая этим нелегкий шаг душевной сопричастности с теми, о ком повествует журнал «Судьбы холокоста». Шаг болезненный, трудный, но очень важный, необходимый как для каждого человека в отдельности, так и для всей страны, для всего мира. Потому что в конечном итоге, выполняя святой долг памяти, мы заставляем трудиться свою душу и учимся понимать, что, когда мы вместе и когда мы не равнодушны, мы можем изменить мир к лучшему.

Людмила Барановская
Автор и руководитель проекта «Судьбы Холокоста»

ПРОЕКТ «Судьбы Холокоста»

воплощается в жизнь

движением

ATID ISRAEL

Председатель движения

MICHAEL LEV

(mikelev@walla.com)

.....

Автор и руководитель проекта

«Судьбы Холокоста»

Главный редактор

Людмила Барановская

054-5289092

.....

Исполнительный редактор

Тамара Кримонт

Студия дизайна

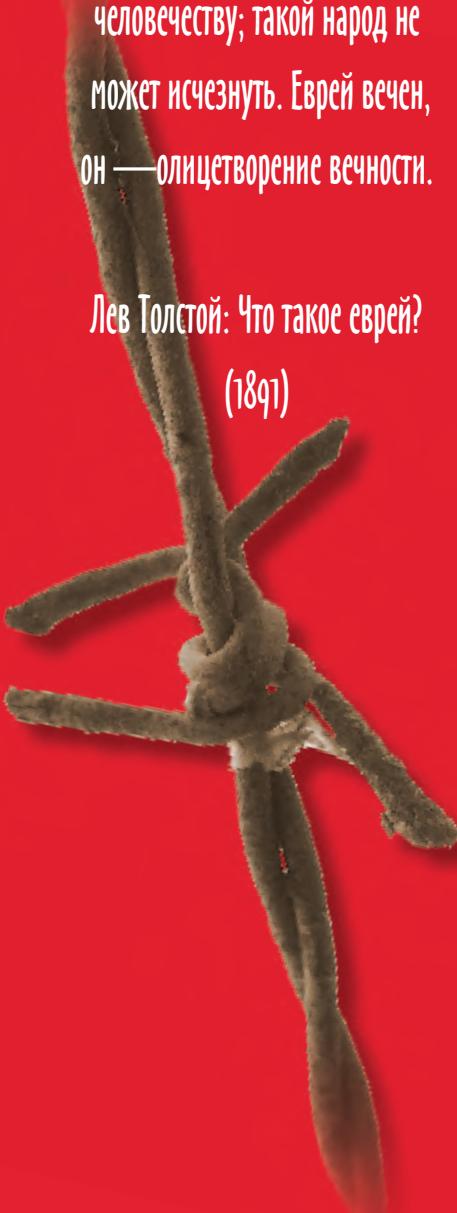
KR DESIGN

Еврей - символ вечности.
Он, которого ни резни,
ни пытки не смогли уничтожить;
ни огонь, ни меч цивилизации
не смогли стереть с лица земли:
он, который первым возвестил
слова Господа, он, который так
долго хранил пророчество и
передал его всему остальному
человечеству; такой народ не
может исчезнуть. Еврей вечен,
он — олицетворение вечности.

Лев Толстой: Что такое еврей?

(1891)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

3 стр. Когда мы вместе

ПАМЯТЬ

6-8 стр. «Привилегия,
обремененная обязательством»

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

9-14 стр. Хроника моего выживания

СУДЬБЫ

15-18 стр. НАЧНЕМ С ПЛОДОВ

ГЕРОИЗМ

19-29 стр. Илана

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

30-33 стр. Картины Варшавского гетто

34-37 стр. Мы живые и мы говорим

СУДЬБЫ

38-42 стр. И поделиться с миром болью

ГЕРОИЗМ

43-46 стр. Под номером 8 294 695

47-50 стр. «Майн штэтеле»

Местечко мое, Загнитков

МЕМОРИАЛЫ

51 стр. «Памятники Жертвам Холокоста»

БИБЛИОТЕКА

52-55 стр. «Евреи, иудаизм, Израиль»
(главы из книги)

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

- 56-59** стр. 1. Yad vashem
2. Письмо из Санкт-Петербурга
3. Три причины
4. Недостающее звено
5. От автора книги...

«Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той
зимой
уже меня не разлучить...».

Юрий Левитанский

«Привилегия, обремененная обязательствами»

(Симон Визенталь)

«Так было принято у немцев: почитать память убитых солдат – сажать на могиле подсолнух. Это, с одной стороны, символ конечности человеческого бытия, с другой – символ непрекращающейся жизни, связь с миром живых, которой, как казалось, у узников лагеря не будет».

Симон Визенталь

Симон Визенталь прожил долгую жизнь и претерпел не одну беду XX века. Он родился 31 декабря 1908 г. на окраине Австро-Венгерской империи, ныне в Тернопольской области Украины. Городок небольшой торговый (6 000 евреев, 3 000 поляков) Симону и пяти лет не исполнилось, а он уже видел войска трех воюющих держав и потерял на фронте отца, рядового австрийской армии. Потом в Галицию отступали из России белые и наступали красные, гуляли украинские казаки, польские конники и большевистские коармейцы, и все по очереди грабили местное население и громили еврейские дома. В один из таких наездов и мальчика Визентая полоснули шашкой. Местный лекарь вполне удачно зашил рану. Но шрам остался на всю жизнь. Когда пришли немцы, началось тотальное истребление. Визенталь и его жена потеряли на жертвенном алтаре Холокоста 89 человек: все «колена» в обеих семьях. Свершилось чудо: и сам Визенталь, и его жена выжили. Бывший львовский архитектор попадает в группу из 34 заключенных, которых гнали перед собой эсэсовцы по грязным разбитым дорогам последних месяцев войны. Эсэсманам было жалко пулю для «живых трупов» из концлагеря Яновска. Эсэсовцам самим бы пришлось отправляться на фронт. Поэтому заключенных поберегли. Визенталь бежал из заключения, семь месяцев его из укрытия в укрытие передавали поляки и украинцы. Тогда-то он и составил свой первый список эсэсовцев и их преступлений. Когда июньским вечером 1944 г. нагрянуло гестапо, он не успел уничтожить список, но пока его волокли к грузовику, сумел перерезать себе вены, чтобы раз и навсегда ускользнуть от гестаповцев. Он очнулся в тюремном лазарете, допрос состоялся на следующее утро, но расстрелять Визенталя не успели. Пеший ход тридцати четырех узников львовского концлагеря почти восемь месяцев продвигался от лагеря к лагерю вглубь Третьего Рейха. 7 февраля 1945 г. конвой, в котором находился Визенталь, загнали в австрийский лагерь смерти Маутхаузен, где обмороженному и изувеченному Визенталю еще раз повезло: он дотянул до 5 мая 1945 г. Американские солдаты из санитарной роты вытащили его из барака. При росте в 180 сантиметров Симон Визенталь весил менее 50 килограммов. Началась новая жизнь. Следствие. Досье. Поиск. Узник из барака умирающих передал американским следователям из военной полиции список, в котором значилось 91 имя нацистских преступников. В конце войны мало кто осознавал масштаб Холокоста. Визенталь сразу же понял, что важно не просто найти палача. Не менее важно найти свидетельства преступления и очевидцев. Визенталь для себя решил, что

ПАМЯТЬ

он — выживший чудом — обязан отдать долг погибшим. Сформулировал свое отношение к долгу всей жизни так: «Выживание — это привилегия, обремененная обязательствами». «Справедливость, а не мщение» стало его девизом. В мире есть миллионы людей, которые не знают о Холокосте или не верят в него: человек не воспринимает такого «массового» преступления. Симон Визенталь довел до суда дела 1100 нацистских преступников, среди них более 170 — на его личном счету. Кроме Адольфа Эйхмана, Визенталю удалось обнаружить Карла Йозефа Зильбер Бауэра, профессионального полицейского, который арестовал и отправил в Освенцим Анну Франк. В 1970 году судили бывшего коменданта Треблинки Франца Штангеля, виновного в убийстве 400 тысяч человек. Из США выслали Хермину Браунштайнер — садистку, которая служила в детском бараке Майданека. «Главный смысл моей работы за последние полвека, — сказал Симон Визенталь, — в том, что убийцы завтрашнего дня предупреждены: они нигде не найдут покоя»... Деятельность Шимона Визенталя была отмечена высокими правительственные наградами разных стран. Английская королева Елизавета II удостоила его звания «Рыцарь британской короны». Поскольку 95-летний Визенталь был слишком стар и не смог выехать в Лондон для получения рыцарской грамоты из рук королевы, регалии командора Британской империи были вручены ему 19 июня 2004 года у него дома в Вене послом Ее Величества. Среди многочисленных наград Визенталя — наградной знак австрийского и французского движений Сопротивления, голландская медаль Свободы, награда ООН за помощь беженцам, Золотая медаль Конгресса США, врученная ему президентом Дж. Картером в 1980 году, и французский Орден почетного Легиона.

Умер знаменитый «охотник за нацистами» в Вене 20 сентября 2005 года, а похоронен в соответствии с волей покойного в Израиле, на городском кладбище в Герцлии — в городе, где давно живут его единственная дочь и внуки. В еврейском государстве действует филиал Международного центра Визенталя, а в Вене его именем названа одна из улиц австрийской столицы.

Текст и фото: «Еврейский журнал». Использованы также сведения из статей Жанны Долгополовой и Сергея КОРОТАЕВСКОГО.

Главы из книги «Подсолнух».

Перевод
с английского языка Инны ГОРИНОЙ
(Холон)

Однажды после окончания своей работы группа пленных была направлена из лагеря к месту другой работы. Маршировали, построенные по три человека под непристойные песни, которые их заставляли петь. На обратном пути они проходили мимо военного кладбища. На каждой могиле рос подсолнух, прямой, как солдат на параде. Симон завистливо смотрел на могилы мертвых солдат: «У каждого из них растет подсолнух, который связывает их с живым миром. У меня не будет подсолнуха. Я буду похоронен в общей могиле, где трупы будут сложены в груду. Ни один подсолнух не принесет свет в мою мглу. Даже в смерти они будут недоступны для нас...»

Инна Горина,
переводчик с английского

ПАМЯТЬ

В один солнечный воскресный день в концлагере к Визенталю обратилась медсестра: «Вы еврей?» — спросила она, поколебавшись, потом дала ему знак следовать за ней. Полный тревожных ощущений, Визенталь последовал за ней вверх по лестнице, а затем вниз в вестибюль госпиталя, пока они не добрались до темной, грязной комнаты, где лежал одинокий забинтованный солдат. В комнате было темно. Все, что он мог увидеть, была фигура под простынями. Потом он услышал чей-то слабый ломаный голос:

- Пожалуйста, подойдите ближе, я не могу говорить громко.

После того, как Симон привык к темноте, он увидел, что лицо больного человека было закрыто белой марлей, в которой были вырезаны отверстия для глаз, для рта, носа и ушей. Симон не знал его, но, очевидно, это был немец. Вид молодого умирающего нацистского солдата не тронул его, так как смерть и страдания были его ежедневными компаниями длительное время.

Нацист рассказал Симону Визенталю о своем детстве и о родителях, которые были благочестивыми католиками и социал-демократами. Однако они не смогли остановить его от присоединения к гитлеровской молодёжи. Когда разразилась война, он добровольно вступил в СС, а потом пошел служить на русский фронт.

Всё время, пока он рассказывал, нацист держал Симона Визенталя за руку. Вдруг солдат начал дрожать, говоря:

- Моя мать не должна знать, что я сделал. Она должна сохранить представление обо мне как о хорошем сыне.

Визенталь не хотел слушать исповедь солдата и его детские воспоминания. Если этот человек сожалел о своей вине, он должен исповедоваться священнику своей религии. Симон хотел уйти, но раненый еще сильнее держал его за руку. Симон вдруг пожалел его и решил остаться, выслушать. Солдат продолжал говорить ему о своей солдатской жизни, о своей вере в фюрера и о скорой победе немецкой армии над русскими.

Умирающий продолжил свое повествование, рассказывая о своем триумфальном шествии по России, по бесконечным дорогам, о мертвых русских, горящих танках, поломанных грузовиках, мертвых лошадях и раненых русских солдатах, лежащих на обочинах дорог и взывающих о помощи.

Однажды они пришли в большой город и остановились отдохнуть. В другой части города они увидели большую группу евреев под охраной...

Слушая, Симон вспомнил о маленьком Эли в гетто. Взрослые работали весь день вне гетто, и во время их отсутствия эсэсовцы окружали детей и уничтожали их. «Эли был одним из последних детей, которых я видел в гетто», - подумал Симон.

Нацист продолжал: «Когда я очнулся в госпитале, я узнал, что я потерял зрение. Тело мое было разорвано на ленты, чудо, что я остался жив. Боль становилась невыносимой. Меня перевозили из одного госпиталя в другой, а я хотел домой к маме. Я лежу здесь в ожидании

смерти. Боли в моем теле нестерпимые. Мое сознание напоминает мне о горящем доме и о семье, которая выпрыгнула из окна.

(Немец Карл вспоминает, что в Днепропетровске он принимал участие в «акции»: 400 мужчин, женщин, детей, стариков согнали в старый дом и подожгли. Один мужчина — либо отчаянно смелый, либо смелый от отчаяния — попытался спасти сына. Помог спрыгнуть с третьего этажа. Карл выстрелил в него. Карл был хороший солдат — он выстрелил и попал).

Умирающий продолжал:

- Многие немцы моего возраста ежедневно умирают на полях сражений, а я остался здесь со своей виной. Ты со мной в последние часы моей жизни. Я не знаю, кто ты, знаю только, что ты еврей. И этого достаточно. Долгими ночами, когда я ждал смерти, я мечтал поговорить с евреем и попросить у него прощения. Я не знал только, остались ли еще евреи.

Симон встал и, не говоря ни слова, покинул палату, разрываемый ужасом и состраданием.

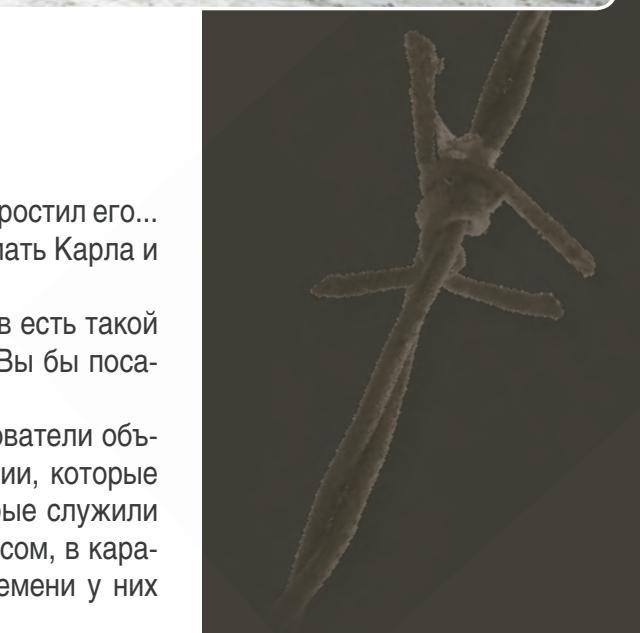
Вместо послесловия.

Немец Карл хотел покаяться, но в тот момент Симон не простил его... после чего долго мучился. После освобождения он нашел мать Карла и передал ей вещи сына.

Визенталь спрашивает: «Вы бы простили его? У немцев есть такой обычай: на могилах погибших солдат сажать подсолнухи. Вы бы посадили подсолнух на могиле врага?».

Когда Симон Визенталь уже отошел от дел, его последователи объявили о начале акции «Последний шанс». В странах Балтии, которые вошли в ЕС, до сих пор живут те самые «дедушки», которые служили в Латышском легионе, в охране Девятого форта под Каунасом, в карательных отрядах. Организаторы проекта, считают, что времени у них совсем немного — поколение Холокоста уходит. Все меньше остается видевших, помнящих, не молчавших. Но не все преступники наказаны. В адрес «Последнего шанса» поступили две сотни досье из Литвы, полсотни из Латвии, до десятка из Эстонии, а также десятка полтора из Украины, где программа официально не разворачивалась. В ответ из Риги, Вильнюса и Таллинна раздались обвинения в «диффамации» и тот самый девиз — «Руки прочь от наших дедушек!». Возможно, среди «дедушек» — и тот «шутник», который в Каунасе засовывал живым людям в горло шланг, включал воду... и у живых людей взрывались жизни?!

«Главный смысл нашей работы — повторим мы вслед за Симоном Визенталем, — в том, что убийцы завтрашнего дня предупреждены: они нигде не найдут покоя»...

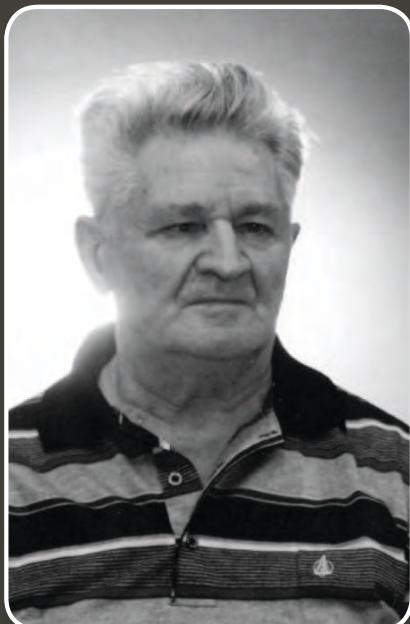

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

«Пусть не думают,
Что мертвые не слышат,
Когда о них живые
говорят»

(Расул Гамзатов)

Дмитрий Найвельт

Вместо предисловия...

Æèòò! èò. Èþeu 1941 àä. Äîpíiñi èíäfýg óçè èéà äåooñ, l òòe l àéåâåeuòà, à òò äðâi ý i ñ äðñòè ñðèf àäoðàòè èåò l ò ði äó. l ñâåà, l ñâñ àé семье и о тех, кто был со мною рядом, — мои воспоминания.

Отрывок из "Книги живых"

«Хроника моего выживания»,

несколько глав из книги в сокращенном варианте мы представляем читателю.

Глава 5 ГЕТТО

Сюда, в отведенное евреям место в самом запущенном, самом грязном закутке города Житомира с трудом можно было втиснуть лишь несколько тысяч человек. Здесь царила теснота перенаселения. Большинство из нас, загнанных сюда евреев, были без крыши над головой. А на улице осень, идут дожди. Инвалиды, старики, женщины, дети – все под открытым небом, на улице! Господи, дети! Все мы не по возрасту стали отчетливо понимать, что происходит со всеми нами. Все мы неожиданно вдруг помудрели, становились малорослыми старишками, самыми уязвимыми, самыми обездоленными малолетними узниками и жертвами нацистских палачей. Во время расстрелов детей бросали во рвы живыми прямо на трупы.

Официальный документ – «Довиднык», то есть Справочник о гетто на оккупированных территориях Украины 1941 – 1944 гг., изданный на украинском и английском языках свидетельствует:

«Населенный пункт – Житомир. Архивные данные и расширенная информация о гетто. Дело 164 (3 акта областной НДК от 16.02.44: 35 тыс. чел. евреев были насильственно согнаны в специально отведенное место: улицы Чудновская, Островская, Кафедральная; 1943) ЦДАГО, Ф57, ОП.4, дело 225, арх. 99»

Среди 35-ти тысяч евреев, загнанных нацистами в гетто не только коренные жители Житомира, здесь оказались и беженцы, и те, которые проживали в селах вокруг города.

Беженцы

Были среди нас и такие, которые давным-давно не считали себя евреями. Это так называемые «выкrestы». Они считали себя христианами, русскими, украинцами и вообще всячески старались избегать общения с евреями. И вдруг неожиданно они, как и мы, оказались в том же гетто, с теми же желтыми звездами Давида на их одеждах! Ни полукровок, ни четвертинок, ни даже тех, у кого в жилах лишь намек на наличие хотя бы нескольких капель европейской крови, не миновала участь попасть в гетто. Колючая проволока, жестокая охрана, изоляция от внешнего мира, запрет выходить за пределы гетто, жесткий приказ нацистов, запрещавший христианам приближаться к колючей проволоке, напрочь лишили нас всего. Нас окончательно отрезали от внешнего мира, вероломно лишили даже малейшей возможности добыть хоть какую-то еду. Жуткий голод царствовал в гетто.

На руках матерей умирают дети от истощения. Голодная смерть – прописалась в Гетто навсегда.

Что может быть страшнее для матери, чем видеть, как день за днем, час за часом ее ребенок тает? Люди перестают общаться. Кто еще может двигаться, ищет уединения, уходит в себя и никого для него больше не существует. Есть и нервные, буйные. Этих каратели и полицаи избивают до полусмерти, бросают их, избитых, лежать на улице и открывают пальбу по каждому, кто решается приблизиться к несчастному, чтобы помочь, оказать ему хоть какую-то помощь.

Избивают всех по любому поводу. Всех, кто попадает под горячую руку, без разбора: женщин, стариков и даже детей! Помимо массовых расстрелов, палачи изобрели для нас еще одну изощренную казнь: казнь голодом, холодом, болезнями.

Положение в гетто с каждым днем становилось все хуже и хуже, все тяжелей добывая хотя бы кар-

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

тофелину, кусок хлеба или стакан какой-нибудь крупы. Голод, теснота, антисанитария, отсутствие лекарств, даже минимальной медицинской помощи приводили к болезням, чаще всего - к желудочно-кишечным расстройствам! Медленная смерть от истощения. Воля людей подавлена, нервы на исходе: напряжены, натянуты. Тогда единственный выход у такого узника - самоубийство! Судьба всех нас в этой клоаке уже предрешена нацистами, надежды на спасение нет, ее и быть не может. Надежда уже умерла. Ее расстреляли.

Страшнее всего видеть умирающих детей. Плач младенцев, ужас их матерей, беспомощных, сходящих с ума, приводили к самоубийствам!

Мы, наконец, нашли место в коморке. Людей в ней натолкано, как сельдь в бочке, но, слава Б-гу, все более или менее уравновешенные люди. В затхлом жилище, мы нашли людей, еще способных существовать в пределах живого взаимоуважения, доверия и даже взаимопомощи! Самый уважаемый, мудрый, уравновешенный и потому признанный обитателями коморки авторитетом, оказался старый доктор, хирург Иосиф со своей женой, сестрой милосердия Соней. Старенькая, хлопочущая вокруг Иоси женщина, добрая, интеллигентная, отзывчивая Соня даже в этих условиях ищет повод помочь кому-то из нас.

Вторая семья - молодой беременной женщины, ее сын, малыш, лет пяти, и престарелые родители. Третья семья. Женщина с двумя детьми, девочкой лет восьми и мальчиком, лет четырех - пяти. С ними - их дедушка и бабушка.

Четвертая семья: высокая, стройная, женщина Таня. В прошлом - Тойба, как она сама о себе сказала. Называли ее так в честь бабушки... Таня с двумя детьми летом, перед самой войной приехала из Ленинграда в гости к родителям мужа, украинцам по национальности. Банальный приступ аппендицита помешал Тане и детям вовремя уехать из Житомира. Они вполне могли избежать заключения в гетто. У Тани мама - русская, папа еврей, а замуж она вышла за украинца. В паспорте - ярко выраженная по мужу - украинская фамилия, национальность в паспорте проставлена по матери, русская. В городе ее никто, кроме нескольких ближайших родственников мужа, не знал... В такой ситуации были все основания надеяться, что несчастье обойдет ее с детьми стороной!

Не обошло! Их предал не сосед, не сослуживец, не случайный прохожий, а свой близкий родственник, двоюродный брат Таниного мужа. Это предательство позволило ему проложить себе путь в полицию, на то время - весьма доходное, злачное место. Ведь полицай не только убивали нас, еще и грабили. Избитую полицаями Таню с детьми бросили в гетто. За укрытие в своем доме жидов, были жестоко избиты свекровь и свекор. А стукач, что предал, стоял и смотрел, как арестовывают преданных им. Да еще и сумел прорычать вслед им: «Из-за вас, вонючих, моего дядю с тетушкой до смерти избили!».

- Этот подонок, - с горечью рассказывала Таня, не раз гостила у нас с мужем, мы оплачивали его дорогу к нам и обратно, возили его по городу, показывали достопримечательности Ленинграда, покупали и дарили ему добротную одежду, помогали учиться! Если этот негодяй окажется рядом, прежде чем умереть, я своими руками задушу выродка!

Коморка, а проще кладовая без единого окна, не считая щели под самым потолком, служившей отдушиной в кладовой, стала для нас, шестнадцати в ней проживавших детей и взрослых, настоящей пыткой. В этой каморке нечем было дышать. Затхлый воздух в ней был, как будто спрессованный. Каждый погожий день мы высыпали на улицу, спеша еще и еще раз успеть вдохнуть в себя крохи свежего воздуха. И все-таки эта коморка была хоть каким-то убежищем от ветров, холодов и дождей. К тому же в ней жила прекрасная женщина Таня. Она, историк по профессии, собирала вокруг себя пацанов и увлекательно рассказывала нам об истории древней Руси, Германии, про освоение Америки, про Европейские страны от седой древности и до наших дней. Мы ее слушатели, понимали, что никто из нас не воспользуется этими знаниями, потому что у нас нет будущего. У каждого - впереди лишь пустота. Впереди Богунский лес и рвы. Впоследствии трибунал, судивший нацистских преступников, назовет их «Нюрнбергскими могилами»

Глава 6 ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

После пережитого шока от убийства на моих глазах отца, после, того как увела маму, моя психика 13-ти летнего подростка не выдержала такой нагрузки и дала трещину. Мне нужна была хоть какая-то срочная помощь. Помощь в гетто? Да еще и срочная?! От кого?

- У Моти, к счастью, - авторитетно сообщил доктор Иоси, - трещина в психике, пока преодолима, если мы ему поможем.

Однокому, беспрizорному, заброшенному в гетто пацану без такой помощи грозило безумие. Уроки Тани, ее тепло, умение расположить к себе, оказывать влияние на юную, мечущуюся душу подростка. Доктор Иоси, его жена - добрейшая Соня, бабушка Рахель - наша бывшая соседка, стали для меня спасением. Был еще один светлый, нежный, добрый, человек - пятнадцатилетняя Света. Светочка, Танина дочь, ученица 8-го класса. Умная, начитанная, серьезная девчонка планировала после окончания школы поступить в университет на литфак. Она мечтала о журналистике, писала стихи. Два смертника - подростка, тринадцати и пятнадцати лет, насилиственно загнанных палачами в клетку - погружались в мир грез, в утопию несбыточной, неосуществимой мечты. В них мы вырыва-

Мама Ляя

Михаил Шахнович Найвельт
отец Дмитрия Найвельта (Мотеле)

Уроки в гетто

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

«Я помню девочку
в Косынке,
она махнула мне рукой,
когда у солнечной
тропинки
рвала ромашки над рекой»

(Тамара Сологуб)

лись из ада, нам удавалось уцелеть, выжить, рассказать всему миру о чудовищных злодеяниях нацистов. Пусть мир содрогнется, узнав о совершенных злодеяниях озверевших фашистов: об истреблении стариков, женщин, детей, целого народа лишь за то, что они евреи!

Увы, чудо не свершилось... Всю ночь лил промозглый осенний дождь. В коморке сырь, темно, холодно и ужасно тесно. Лежа спят только дети и старики. Все остальные – сидя. Я, естественно, отножившись к остальным. Прислонившись к стене, сидит Таня, у ее ног спит Илюшка, братик Светы. Обложившись на плечо матери, спит Света. За Светой я.

Тяжелая, бессонная ночь: заболел Илья. Рези в желудке - одна из распространенных, характерных болезней в гетто. Боли измучил мальчика. Ему хуже с каждым часом. Он все чаще теряет сознание. Его нужно хотя бы уложить, как следует. Мы со Светой уходим в подъезд, на лестничную клетку разрушенного дома. Больше некуда. Устраиваемся на ступеньках. Жутко. Дрожь пробирает то ли от холода, то ли от страха. Мы прижимаемся друг к другу поплотнее, чтобы хоть как-то согреться, разговариваем шепотом, держимся за руки, чтобы не было так страшно. И говорим только о прошлом... Света дрожит, ее колотит, зуб на зуб не попадает... Из глубины ее души вырвались наружу боль, страдания слезы, гнев и растерянность. Сквозь рыдания она настойчиво почти отрешенно повторяла одну и ту же фразу:

«Не хочу, чтобы Илюшк умер, не хочу, чтобы нас разлучили!» И в отчаянии повторяла: «Не хочу, не хочу, не хочу, не хочу!» ... На улице лил проливной дождь. Порывистый, ветер, овладев входной дверью в подъезде, неистово швырял ее из стороны в сторону. Грохотал с такой силы, что подъезд содрогался. Мощные раскаты грома, всплески молний, потоки дождя вот-вот, казалось, разрушат этот хилый нежилой домишко. Когда истерика иссякла, Света вдруг сказала:

– Послушай, Мотя. Я тебе сейчас кое - что прочту. Я даже маме не читала, да и, пожалуй, читать не буду. Но ты Мотя, послушай. Я не могу эту мерзость, это чудовище держать внутри себя. Мне необходимо, чтобы кто-то, хоть раз услышал это.

В её стихотворении человекообразное существо, хищник, способный мгновенно перевоплощаться в любого монстра, в дракона, в самых ядовитых на земле змей, усыплять бдительность доверчивых людей, неожиданно выползать из своей скролупы и мгновенно, сзади, со спины, когда этого никто не ждет, предательски, смертельно впиться, ужалить свою жертву так, чтобы разом покончить с ней. Ужаленный погибает. Стихи про Кузьму.

– Кто этот монстр, вурдалак Кузьма, что это за мифическое, роковое существо, откуда ты извлекла этот омерзительный образ, и почему с отвращением сама реагируешь на него?

– Это он предал нашу семью...

Наконец рассвет. Утро. Несколько поутих, а затем и вовсе перестал хлестать дождь. Тем временем добродушное солнышко вступает в свои права. Оно упрямо и настойчиво разгоняет остатки висящих дождевых туч, а через возникающие в них бреши щедро, великолушно одаривает землю и ее обитателей своими щедротами: теплом, уютом, светом, извещая нас, землян, о наступающей благодати бабьего лета.

Глава 7 ТАНЯ – ТОЙБА. ОТМЩЕНИЕ

К утру Илюше стало легче. Он даже чуть-чуть воспрянул духом. Мальчишка сидит возле сестрички и внимательно, не шелохнувшись, впитывает каждое ее слово. Таня беседует с доктором Йоси. Внезапно я с ужасом увидел стоящего возле Илюши и Светланы полицая с повязкой на рукаве. Он ниже Светы ростом. Голова формы баклажана: удлиненное, продолговатое лицо с длинным, непонятной формы носом. Глубоко посаженные, юркие глазки, не срывают злости. На малорослом субъекте мешком, как балахон, плащ-дождевик из тех, которые обычно носила нацистская полевая жандармерия. Вначале мне показалось, что он еще и горбат, однако вскоре выяснил, что у него под плащом выпирает не горб, а приклад карабина, висящего на плече вверх тормашками. Промелькнула немыслимая догадка: «Не тот ли это тип, о котором сегодня ночью мне рассказывала Светлана? Доносчик Кузя?» Страшно подумать, что сейчас рядом со Светой стоит этот негодяй. Догадка молнией прошила меня... Я услышал голос Светы:

– Не прикасайся ко мне, пес поганый, маньяк, предатель, ублюдок, негодяй!!!

– Пойдешь со мной, козочка, нам есть о чем с тобой поговорить, чай, не чужие мы с тобой. Ты мне давно, козочка, приглянулась. Тебя сильно охраняли, не подступиться. Ну, а теперь – мое время. Дождался. Незачем добру пропадать. Уважишь, а я, гляди, ненароком, когда-нибудь и вспомню про тебя.

Он юродствовал нарочито громко, чтобы все мы слышали о его намерении казнить свою жертву дважды: изнасиловать, унизить, а потом, как всем – расстрел.

На неистовый крик дочери выбежал из коморки Таня. Мгновение, и она лицом к лицу столкнулась со своим родственничком. Не раздумывая, влепила пощечину недавнему подопечному:

– Отпусти ребенка, хам!

Полицай вначале опешил, затем, опомнившись, лихорадочно затащорил:

– Ребенок, говоришь, сука жидовская?! Собирайся, стерва, пойдешь вместе со своей тёлкой, и на тебя найдется десяток жеребцов! У нас этого добра хватает, так что ни тебе, ни твоему выкорьмышу скучно не будет, я лично позабочусь о тебе, жидовская харя.

Одержаный особой ненавистью к Тойбе и ее детям, упырь Кузя под занавес их жизни запланировал очередную изощренную варварскую пытку. В присутствии матери, он собирается насиливать ее девочку. Его циничные, грязные намеренья не были пустыми угрозами. Опасность вполне реальная. Эти палачи уже не раз осуществляли такого рода «акции» над своими беззащитными жертвами. Обезумевшие от алкоголя полицаи выволакивали женщин и девочек – подростков, жестоко насиливали их, а потом тела бездыханных замученных жертв оставляли на улицах гетто. Выжившие, потеряв рассудок, как тени бродили от дома к дому, разыскивая родных, давно неживых. Были и такие, которые кончали жизнь самоубийством.

Одновременно с потоком грязных угроз в адрес Тани и Светы полицай лихорадочно стал добираться до висевшего на плече под плащом карабина. Чтобы достать до него, нужно, по крайней мере, сначала снять с себя дождевик, освободить из рукава плаща руку, и только после этого Кузя мог взять карабин в руки.

Таня даже не повысила голоса:

– Ты не сделаешь этого, маньяк!
– Не сделаю, говоришь? – С ехидной усмешкой переспросил полицай, – а кто мне помешает? Не ты ли?

Он продолжал грязно ругаться, расстегивать пуговицы плаща, чтобы, наконец, добраться до висевшего под плащом карабина. Полицай явно нервничал, спешил. Его пальцы дрожали. Пуговицы с трудом поддавались:

– Ты спрашиваешь, «кто помешает?», пан полицай, пан хамелеон, бывший подопечный жидовки Тойбы, которую тогда, впрочем, ты вслух жидовкой не называл, и которая не раз и не два приходила тебе на помощь? Ты спрашиваешь меня, «кто помешает?» в этом пекле, куда ты сам, гнида паршивая, загнал меня с детьми на убий? Ты, мерзавец, спрашиваешь меня, Тойбу, кто посмеет тебе, палачу, напоследок, перед нашей смертью надругаться, покуражиться над нами?

На лице Тани отразилась гримаса ненависти, боли и непокорности. А мы, невольные свидетели драмы, узрели на Танином лице не только величие непокоренности, но и горькую усмешку. Лишь мгновение. А потом лицо Тани вновь непроницаемо окаменело.

Она вцепилась насилинику в горло. Это ошарашило полицая именно своей неожиданностью. А Тойбе этот факт позволил выполнить задуманное. Другой возможности защитить себя и дочь от насилиника у нее не было. Для уверенного в своей безнаказанности палача столь наглое нападение на него было шокирующим. Полицай опешил, растерялся! И немудрено: нападение узника гетто на его охранника – случай безумный. Карабались такие проступки жестоко и неотвратимо, причем, тут же, на месте. Нападение Тани на полицая Кузя не было безумием. Скорее, наоборот – это был вполне осознанный, трезво взвешенный, бесстрашный и дерзкий поступок! Возмездие. Торжество отмщения.

Таня с ненавистью, отвращением и брезгливостью ловко, впилась пальцами в его горло. Попытка освободиться от цепких рук женщины не удалась. Судьба – Тойба, как клещами, обхватила горло выродка. Она была выше ростом, ненависть и безвыходность придавали ей силы, и ничто на свет не заставило бы ее сейчас разнять руки. Через несколько мгновений его хриплое, невнятное дыхание и ослабевшие руки уже были не в состоянии сопротивляться. Как рыба, выброшенная на берег реки он еще ловил ртом воздух. Но руки его уже болтались, как плети, уже не слушались хозяина. Он потерял равновесие и, наконец, свалился на землю. На мгновение, лишь на миг, женщина выпустила из своих рук горло палача. Мы услышали характерный лязг ствола, удариившегося из – под плаща о брускатку мостовой. Собрав все свои силы, волю, умножив их на кипящую, клокочущую внутри нее злобу и ненависть, Тойба неистово, все сильнее и сильнее сдавливала карателю горло. Полицай окончательно сник, задергал ногами и умолк, теперь, похоже, навсегда.

Тойба сидела на мостовой в оцепенении, неподвижно, обессиленная, но без малейшего признака раскаяния. Неподалеку валялось только что задушенное Тойбой существо, а она внимательно, растопырив пальцы, рассматривала свои руки.

О чём она думала сейчас? О совершённом возмездии? О том, что выполнила долг матери или о том, что ей следует поспешить, потропиться последний раз в этой жизни покрепче обнять своих детей? Ей для этого отпущены судьбой всего лишь считанные минуты до того, как здесь появятся уже бегущие сюда каратели! Света с Илюшой бросились к неподвижно сидевшей на мостовой матери, помогли ей встать на ноги. Светлана взяла на руки измотанное болезнью исхудалое тельце Илюши. Все трое прижались друг к другу. Они прощались. Они знали, не сомневались: расправа над ними где-то рядом! С противоположной стороны улицы уже неслась банда в черных мундирах, и с ними их верные доморощенные головорезы из охраны гетто. Все ближе и громче топот кованых сапог, визг полицейских свистков. Команда: «Жиды, лечь на землю вниз мордами, руки за голову». Выкрики сопровождаются бешеной пальбой. Стреляли каратели на поражение по каждому, кто в это время оказался на улице. Первой вдоль тела матери, цепляясь за ее оде-

«Здесь, на земле,
вы прожили так мало,
Но в глубине открытых
ваших глаз
Цвела земля, и
небо расцветало,
И звездный мир сиял
в зрачках у вас».

(С. Маршак)

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

ды, на мостовую у ее ног замерзло сползла Светлана. Тут же, почти одновременно, рядом с ней, сраженные автоматной очередью упали тела сына и матери.

Они лежали трое рядом, друг на друге, вместе. Мне они, показались уставшими, пришедшими издалека путниками, которые прилегли отдохнуть. Вот сейчас все трое поднимутся после короткого отдыха, стряхнут с себя усталость и пойдут дальше своей дорогой.

Когда мираж исчез, действительность открылась передо мной в ее страшной правде: грязный мат полицаев; черные мундиры эсесовцев... Валялся на мостовой задушенный Таней полицай Кузя, лежали убитые наповал Тойба и Светлана с Илюшой. Чуть поодаль – десятки расстрелянных для устрашения.

– Все, – прошептал мне доктор Йоси, – Но какая, Мотик, разница! Днем раньше, днем позже – ко нец один и тот же: яма в Богунском лесу! А Таня, Тойба... Я горжусь ею, Мотеле!...

Однажды, на рассвете, мы услышали лай собак и брань полицаев. Началась акция: массовый расстрел евреев Житомирского гетто!

Глава 8 ЛАЙ СОБАК НА РАССВЕТЕ.

У ворот сосредоточилось большое количество полицаев, лай собак, рокот моторов грузовиков. Ватага палачей устремилась в распахнутые ворота. Грузовики стали утрамбовывать, до отказа заполнять людьми. Тех, кто не успевал выполнить приказ, немедленно награждали пинками, били прикладами. Плакали женщины, кричали дети. Слабых, пожилых, всех, кто самостоятельно забраться в кузов не мог, дюжие мордовороты забрасывали в кузов, как поленья. Борта машины закрывались, и под усиленной охраной грузовики, битком набитые людьми, направлялись к месту массовых расстрелов евреев.

В этот день, 19 сентября 1941 года нацисты убили 3 145 евреев: мужчин, женщин, стариков, детей и даже еще не родившихся! Палачи «работали!» с рассвета и до позднего вечера у «Нюрнбергской» могилы, расположенной невдалеке от карьера, на Богунии, за Житомиром.

«Нюрнбергская» потому, что она фигурировала на Нюрнбергском процессе как неопровергимое доказательство преступлений, злодеяний нацистов, как свидетельство геноцида еврейского народа в период Холокоста в городе Житомире.

Как свидетель массовых расстрелов нацистами евреев на Богунии за Житомиром я считаю своим долгом рассказать о том, что видел и пережил сам. Мое свидетельство – это еще одно добавление к показаниям о преступлениях, совершённых фашистами, которые были перечислены Нюрнбергским трибуналом о «Нюрнбергской» могиле. Я свидетельствую. Я прошел через это сам!

Я – один из тех, кого нацисты пригнали из Житомирского гетто к очередной на Богунии «Нюрнбергской могиле». Я тот, кому нацизм как еврею предназначил смерть. Я был поставлен карателями в очередь за ней к одной из таких могил, до которой мне оставалось пройти расстояние всего лишь в несколько сот шагов! Я – один из немногих, кому в самый последний момент судьба подарила случай, позволила спасти свою жизнь бегством от автоматной очереди в упор или от выстрела в затылок! Как уцелевший в Катастрофе европейского еврейства я, малолетний узник концлагерей и гетто, утверждаю, свидетельствую:

Это был варварски задуманный, тщательно организованный и садистски осуществленный нацизмом геноцид еврейского народа.

В кузове грузовика, набитом людьми до отказа, утрамбованном людьми, один человек до Богунии так и не доехал: умер. Ему даже позавидовали, все же «своей» смертью умер человек! Машина остановилась. Приехали. Каратели открыли борта кузова, из него посыпались люди, словно семечки из перезревшей тыквы. Прогремел выстрел, каратели убили кого-то, кто посмел заартачиться, отказался покинуть грузовик. Йоси обессилел и, вылезая из кузова, не рассчитал, оступился и просто вывалился из него на землю. Больше на ноги он не поднялся. Прозвучал выстрел. Две гориллы в полицейской форме схватили его и потащили волоком туда, к очередной, «Нюрнбергской» могиле. Сонечка, умоляла карателей взять и ее, его жену вместе с ним. Тщетно, один из них пихнул стащушку к нам, в толпу ожидающих своей очереди. Под усиленной охраной нас гонят вперед, туда, откуда слышна непрерывающаяся стрельба, крики, плач всплескнули с лаем собак. Из нас, евреев, назначенных к смерти, орудия прикладами, полицейские выстраивают очередь, туда, где через несколько сот шагов всех нас ждет вечная тьма. Моя очередь к эшафоту подошла во второй половине дня.

Отрешённая пустота сознания. Справиться с этим состоянием не возможно. Впереди установленной нацистами очереди какой-то шум, туда устремился стоящий напротив нас в охранении полицай. Внезапно на мгновение оказался вне поля зрения охраны куст, манящий к себе, обещающий свободу и жизнь. Вот он, куст. За ним еще. Зеленые, пушистые, рядом, в нескольких метрах от нас. Я напрягся. Я слышу шёпот: «Беги, Мотеле, беги, быстрее беги, чтобы не было поздно!» Как сжатая до предела пружина, я сделал рывок.

Продолжение следует

НАЧНЕМ С ПЛОДОВ

Холокост, репрессии, самая страшная за всю историю человечества Вторая Мировая война.

Идут бесконечные споры, от кого больше пострадали народы: от фашиста Гитлера или от диктатора Сталина. Подсчитывают, как от обоих тиранов пострадало все человечество. Сколько людей погибло в концентрационных лагерях фашистов и сколько в ГУЛАГе. Сколько уничтожено в Холокосте, сколько на фронтах, сколько погублено в период сталинизма.

Когда в СССР сажали в тюрьмы, казнили без суда по ложным следствиям, а в странах, находящихся под сапогом гитлеризма, Третьим Рейхом была поставлена задача «окончательного разрешения еврейского вопроса», — у Мордехая Кимягрова коммунисты репрессировали деда, главного раввина Самарканда. Он погиб в ГУЛАГе. Были осуждены на различные сроки ареста и его близкие родственники. На фронте погибли два брата мамы и один брат отца. А сам отец Мордехая вернулся с фронта с контузией и ранениями. Кимягров — историк, и он справедливо настаивает на утверждении, что Холокост и сталинские репрессии неразделимы с историей Второй Мировой Войны (1939-45 гг.)

К счастью, к радости наших друзей по всему миру и к великому досаде юдофобов, которых не мало, история современного еврейства доказала справедливость слов пророка. Я хочу показать это на примере лишь одной семьи, той о которой я начал свой рассказ. Посмотрим, чего добился в жизни внук погибшего в ГУЛАГе, племянник героически погибших на фронте, сын орденоносца Меира Кимягрова, который, несмотря на все испытания, постигшие его семью, сохраняет традиции своих благородных предков, свято собирает историю своей семьи, все мельчайшие подробности ее трагических лет. Мордехай собрал тысячи вещественных экспонатов и письменных источников прошлого, и через созданный им Всемирный Культурный центр евреев — выходцев из Центральной Азии — способствует укреплению дружбы народов, укреплению мира на Земле. Ведь история и культура разных народов всегда служила сближению интересов народов, побеждая вражду.

Если бы не погибли те миллионы евреев на фронтах, в лагерях, если бы живы были все расстрелянные, затравленные газами, сожженные в печах, загубленные на лесоповалах и рудниках, — сколько бы от них родилось еще детей! А от тех- их детей, И еще и еще... И сколько чудес еще было бы от них на прекрасной Земле.

Ведь даже те плоды, которые остались и выстояли после стольких бед — достойны того, чтобы мы узнали об их достижениях и порадовались им. Мой рассказ я проиллюстрирую фотографиями, которые лишь частично раскроют пред вами неутомимый энтузиазм и достижения достойного сына еврейского народа.

Автор статьи и фотопортажа
профессор Виктор БОХМАН

Мордехай Кимягров

М. Кимягров, организатор традиционных ежегодных торжеств — встреч в честь 9 Мая, Дня Победы, навещает двоюродного брата, Осова Аронова, инвалида Второй Мировой войны, вручает ему приглашение на это мероприятие.

Предприниматель М. Кимягров вместе со своими единомышленниками создал в Тель-Авиве ресторан «БУХОРА ха- Яфа» (Прекрасная Бухара). Так его хобби — приготовление различных национальных блюд — стало его профессией. На фото: инвалиды и ветераны Второй Мировой войны, — борцы с фашизмом — на торжестве в честь Дня Победы. Во втором ряду третий слева стоит Президент Союза инвалидов бригадный генерал Израильской Армии в отставке Роман Ягель. Четвертый слева — издатель «Бухарской газеты» и основатель партии «ЛЕВ», известный общественный деятель Авадья Фатахов. Сидит первый слева Авраам Пинхасов — партнер Мордехая Кимягрова (во втором ряду второй слева).

Легендарный народный артист СССР Иосиф Кобзон поздравляет друга Мордехая с 50-летним юбилеем.

Мудрый аксакал Израильской политики, Президент Страны беседует с предпринимателем М. Кимягаровым.

«Сидур» — запрещенная еврейская религиозная книга на иврите, в обложке К. Симонов «Дни и ночи» для конспирации.
(Музей Кимягрова)

Коллекция музыкальных инструментов народов Центральной Азии. (Музей М. Кимягрова)

СУДЬБЫ

Мордехай создал первую в Израиле лепешечную, выпекающую среднеазиатские (бухарские) лепешки — нон, и другие виды национального хлеба и блюд. (Шхунат Шапиро г. Тель — Авиш)

«Тысячелетиями уничтожали люди евреев — и вот евреи живы, и процветают, и многие из них наверху. И народы поклоняются их Богу.»

(Пророчество)

Сюзане на тему иудаики. Ручная вышивка на сатине (Музей М. Кимягарова)

«Бухарская комната». (Музей М. Кимягарова) М. Кимягаров сидит слева.

Старинная одежда бухарских мужчин, женщин и детей (Музей М. Кимягарова)

ГЕРОИЗМ

«Мы так гонимы долей сирой,
Что даже на земле своей
Мы ненавидимы всем миром,
Виновны пред планетой всей.

Но я горда своим уделом:
Моя земля — надежный щит,
И, глядя в будущее смело,
Я знаю: Небо защитит»

• • •

«Мое тело изранено миллиардами
Осколков слез матерей, жен, мужей, сестер, братьев, детей и любимых...»

• • •

«Пусть дожди, как тамтамы в окно мое яростно бьют,
И прожектор луны за колючую проволокой в зоне.
Не могу я писать, если душит покой и уют,
Если сердце молчит, а душа моя спит, а не стонет»...

Илана

«Она пришла в этот свет в конце мая, когда весна полностью овладела миром...

Возвестив огромному миру о своем появлении, она вобрала в себя первый земной вздох. Он вошёл в ее кровь и определил навсегда то поднебесное состояние души, которое будет спасать её в будущем и примирит с появлением на этой, в сущности, одинокой планете».

«Жажда любви, проснувшаяся при первом вздохе,... навечно останется в ней». «Жили они очень бедно в узкой комнатке 16 кв. метров, где протекала крыша... Огромное,ечно буро — зеленое, иногда карающее пятно в углу на потолке, мутное окно, выходящее на соседский забор, маленький подпол... деревянный пол с земляными дырами, большой трухлявый стол...» Два раза в неделю мама ходила в местный горисполком, тихо сидела в приемной, дожидаясь своей очереди: «Пыталась взять измором городские власти, умоляла дать нормальное жилье для болезненного ребенка, вынужденного жить в постоянной сырости. От горисполкома приходили разные дяди и тети, смотрели на зеленое пятно, навечно мокрый потолок, гладили по головке девочку, говорили, кивали. А семья продолжала год за годом жить в сыром склепе.

«В детский сад она пошла рано. Её, еще не до конца разбуженную, одевали ласковые мамины руки... потом уже одетую ее подхватывали крепкие руки отца и несли нерасцвеченным утром через весь город... Её папа — самый сильный, самый умный и самый добрый!»

«Детство у нее было никакое. Счастливым его не назовешь, но и трудным тоже». Воспоминания о нем у нее были в основном светлыми. О детстве, какое бы оно ни было, всегда помнятся только светлые дни. Так уж устроена человеческая память: Подаренная кукла Надя, заветные кубики, ужасно дорогие, но такие желанные: Купили! Какое счастье!

Был один день, который она не забудет никогда. «Тогда, в этот день, определилось всё её счастье и всё её горе. Она будет помнить «себя — сидящую на крепких отцовских плечах шестилетнюю девчушку».

— Сколько же тут осталось идти, дочка, — засмеялся отец, — вот уж калитка наша.

Но она не унималась, ведь ей хотелось, словно на корабле, заплыть в родной двор... и прямо с папиных плеч упасть в теплые мамины руки. Отец присел, и она взобралась туда, куда хотела. Предназначение свыше обрело необходимый ход. Папа чинно вплыл во двор... Она, со счастьем на устах и покоем в сердце, добровольно приближалась к ожидавшим её страданиям».

Папа «зашел в маленькую низенькую постройку, внеся дочь на могучих плечах, обхватил ее тощенькие бедрышки и с силой поднял вверх... Потолок прервал полет. Пронзительный... крик ознаменовал завершение пройденного спокойного и безмятежного.

Дальше начались «долгие мытарства по бесконечным больницам, поездки в Киевский институт нейрохирургии к разным профессорам, где один настаивал на трепанации черепа, а другой категорически запрещал». С тех пор больничные койки и белые стены стали неотъемлемым присутствием в ее жизни. «Ей пришлось познать горькие расставания... жестокие детские обиды и совсем уже не детские унижения, застиранные пижамы с печатями, всякие зондирования, уколы, анализы, тоску по дому, почти постоянное чувство голода и одиночества». В промежутках между больницами и лечебными санаториями жизнь преподносila ей семейные житейские события, такие, в сущности, обыденные, но такие судьбоносные, которые не могли не отражаться в ее чуткой душе то радостью, то горькими слезами. Она любила свою младшую сестренку. Илана с младшей сестричкой заботилась о ней, когда жила дома, тяжело перенесла развод родителей, появление в семье отчима. Этому она посвятила немало страниц в своей будущей книге — исповеди «Четвертая стена», цитатами из которой мы сейчас и знакомим читателя с ИЛАНОЙ ВАЙСМАН, поэтом, прозаиком, замечательным, уникальной души человеком.

Сначала Илана училась в обыкновенной городской школе, где к ней относились с унижающей ее жалостью и необязательностью как к ребенку инвалиду: почти никогда не вызывали к доске не спрашивали задания и автоматически по всем предметам ставили безликие тройки. Даже в тех случаях, когда в контрольной не было ни одной ошибки. Единственное исключение — уроки литературы. Природный талант девочки проявлял-

ГЕРОИЗМ

ся так неудержимо во всем, что этого не могли не заметить как учителя, так и ее сверстники.

Судьба вела будущего поэта по тяжелым тропам страданий, не видимым простым невооруженным взглядом обывателя. Особенно жестоким испытанием стала для нее её еврейская фамилия. Особенно она ощутила это, когда мама определила ее в школу — интернат для детей с нарушением опорно-двигательного аппарата.

Насмешки и издевательства одноклассников, бойкоты, клички, насмешки, мелкие подставы отравляли жизнь девочки. Спустя более двадцати лет, когда она писала эту книгу, она простила их всех, кто издевался над ней только потому, что она была еврейкой. Сейчас ей даже жалко их всех, унижающих ее морально, распускающих руки, всех, так часто доводящих её до слез. Ведь все они были обижены судьбой.

Её литературные способности стали проявляться с того момента, когда она научилась писать. А в интернате литература по-прежнему — ее любимый предмет.

«Готовился вечер ко Дню Победы. Она написала целый сценарий, подобрала к нему стихи, сочинила прозу....»

«Мальчик, я тебя совсем не знала.

Кто ты, из какой ты стороны?

Утром светлым я спокойно встала

В день когда ты не пришел с войны.

.....

Вновь осветит солнце ярким светом

Каждый уголок моей страны

Потому что ты однажды летом

Не вернулся с проклятой войны».

«... Сценарий был зачитан. Ребята пришли в полный восторг!» Так она впервые познала радость признания, чувство победы и уверенности в свои силы.

Это произошло в девятом классе. Она не смогла, как обычно, перешагнуть через давно знакомую бетонную бровку: «Споткнувшись, со всего своего роста и размаха полетела вниз головой». Удара не почувствовала. Её отнесли в изолятор. «Слабость, навалившаяся на нее в это утро, станет отныне постоянным и верным спутником её жизни».

«...Каждый вздох приносит боль,

Ночь поет, страданью вторя.

На лице — улыбки голь,

А на сердце — роскошь горя»

Вскоре приехали мама и отчим, девочку забрали домой. Ей дали костили. Два месяца она пролежала в кровати. Затем ее снова вернули в школу интернат. Теперь она не могла бегать. Сиротливо сидела в классе, читая книгу: Золя, Ремарк, Дрюон, Бронте, Дойль, Тургенев, Пушкин, Симонов, Хайям — это далеко не полный список. Самое любимое место в школе — библиотека».

Последние годы в школе Илана взялась основательно за учебу, подтянулась по всем предметам. «Теперь можно подумать о харьковском техникуме для инвалидов. Она вышла в большой мир несломленной неозлобленной... Её маленько, но уже раненое сердце так верило в существование нежности и чуткости!». Но учебу пришлось отложить. Она стала работать. А потом случилась еще одна беда. Закружилась голова, девушка упала, уронив на себя кастрюлю горячего бульона. Ожог третьей степени. «Бесконечные перевязки, примочки, боль... Но именно в этот страшный период она обратилась к Богу. «Как же я раньше была счастлива! У меня было все: здоровье, любимый, работа, но я вечно была чем-то недовольна, и все мне было мало, и все на что-то роптала... а теперь вот лежу здесь и не могу ничего... И тогда она впервые поблагодарила Бога за боль, которая перевернула её мировоззрение...».

«...Но не позволит жизнь остановиться,

Переиначить, повернуть назад,

Семья

Илана с младшей сестричкой

ГЕРОИЗМ

Ошибок в назидание напиться
Мировоззренья повернуть уклад»...

Потом была еще раз больница. И еще раз. Была погубленная любовь, несчастное замужество, глубочайшая депрессия, нечаянная встреча. И, наконец, выстраданная, трудная, но счастливая жизнь с преданным другом, мужем, надежным и верным человеком.

Отъезд всей семьи в Израиль перевернул всю ее жизнь. «На семейном совете было решено- надо покупать квартиру и только здесь (в Тель-Авиве) Их большой семье придется достигать заданной цели очень трудно. Они будут экономить на всем, хвататься за любую работу двадцать четыре часа в сутки. Они пройдут через мытьё чужих туалетов и ресторанной посуды, через очереди под палящим солнцем или проливным дождем за бесплатным подарком от муниципалитета города. Но ни унижения, ни обманы, выпавшие на долю каждого из них, не смогли уничтожить преданность и любовь к этой стране. Конечно, бывали дни, когда все хотелось послать к черту, завалиться в супермаркет, накупить всего самого вкусного и насладиться теми невиданными доселе благами, которыми так щедро заманивали роскошные витрины. У всех из них сдавали нервы, кроме одного человека – их мамы» «Жизнь на этой земле подарила ей много нового и прекрасного: новый статус, новые открытия, новых друзей...» Вот цитаты из многочисленных публикаций СМИ об Илане:

Илана Вайсман член Союза писателей Израиля с 1996 г. Приехала в страну из Украины в 1991 г. Здесь вышли в свет четыре ее поэтических сборника («Мой Грустный Ангел», «Звучание света», «Три Четверти Небес» «Рифмованные сны»), а также книга стихов для детей «Для чего у кошки хвост?» и одна книга прозы – автобиографическая повесть «Четвертая Стена».

Илана является организатором и создателем литературно-музыкальной гостиной «Теплый Дом», за что была награждена медалью еврейского агентства СОХНУТ, лауреат поэтического конкурса посвященного 50-летию государства, проводимого радиостанцией РЕКА и газетой «Новости недели», а также лауреатом конкурса посвященного 200-летию А. С. Пушкина, проводимого теми же организациями. Она получила титул «Королева Поэзии – 2005», была лауреатом, призером и дипломантом Международных литературных конкурсов, неоднократно работала членом жюри Международных творческих конкурсов, проявила себя как прекрасный поэт и прозаик.

Молодая женщина с нелегкой судьбой: много лет прикована к инвалидному креслу. Несмотря на физическую слабость, Илана невероятно сильна духом. Ее жизнь всецело посвящена творчеству. И неважно, пишет ли она стихи, прозу или занимается организацией очередной встречи в своем «Теплом Доме».

На ее стихи написано много песен и романсов. Её лирика легко и восторженно принимается слушателями любого возраста. 6 ноября 2009 года после длительной болезни в возрасте 50 лет Илана покинула этот свет. Через год она вернулась к читателю своим документальным романом «Черная слеза».

Вот, что вы могли бы прочитать в предисловии к последней книге Иланы Вайсман, в предисловии, словно кровью сердца написанном ее младшей сестрой Гилой Ятковски:

«Так сложилось, что именно я пишу предисловие к твоей посмертной книге... Ты дописала до конца свою, может быть, самую главную книгу. И если бы не жуткая судьба и мучительная смерть, то мир читателей никогда не узнал бы о всемирной Катастрофе в масштабах одной маленькой еврейской семьи и о частной, личной Катастрофе под названием: «судьба Иланы Вайсман»

«Вообще появление книги «Черная слеза» на свет связано с очень интересными людьми и событиями, порой фантастическими и даже нереальными.

И здесь тоже не обошлось без мистики...»

Можно еще продолжать и продолжать рассказ об этой удивительной семье, и об уникальном человеке, поэте, писателе Илане Вайсман. Это – неисчерпаемая тема. Однако, пора представить читателю главы из этой книги, именно те, которые рассказывают о незабываемой трагедии еврейского народа, о Холокосте.

ИЛНА ВАЙСМАН «ЧЕРНАЯ СЛЕЗА»

(Выбранные эпизоды из романа)

ВЕЧЕР ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЛАНЕ ВАЙСМАН

ИЗ ГЛАВЫ 8.

Семья маленького Букэ Вайсмана: БЕНЬЯМИН (его пapa), МЕНИХЭ (его мama), СЮНЯ (младший братик), МОЙШЕ (дедушка. Резник), ХОВЭ (бaбушка). Эвакуация.

И вот наступил страшный день, когда взрослые с тревогой заговорили о том, что Гитлер напал на Советский Союз. Но особенно пугаться не надо, ведь в газетах пишут, что Красная Армия всех сильней.

Женщины наклеивали на оконные стекла крест-накрест большие бумажные полоски, а на ночь закрывали окна глухими шторами. На вопрос Букэ бaбушка ответила, что точно не знает, зачем это нужно: так, мол, распорядились новые власти.

– Демаскировка, понимаешь, – говорил офицер милиции, назидательно подняв вверх указательный палец, – а бумага на стеклах, чтобы они не лопались во время бомбёжки.

Но до бомбёжки дело не дошло. Однажды тот же офицер милиции, обходя улицу – дом за домом, объявил, что, взяв с собой самое необходимое, все должны перебраться на левый берег Днестра.

– Эвакуация на самое короткое время: недели через две вы все вернетесь назад.

Это малопонятное слово «эвакуация» вскоре стало практически ежедневным, столь же обиходным, как «хлеб», «вода», «одежда» и «обувь».

Букэ, прибежав со двора, увидел суетливо снующих домашних, которые укладывали в какие-то узлы всякую всячину. Отец, и мать, и вся семья, накинув на плечи что полегче, грузили нехитрый скарб на подводу, неведомо откуда возникшую у дверей. Затем Беньямин с большим трудом втиснулся в кольца дверей маленький заряженный замочек.

– Нюмэ, что, у нас в доме нет какого-нибудь замка побольше? Разве это замок? – спросила мать.

– Сойдет и этот! – уверенно ответил отец. – Ты же слышала, что сказал милиционер: скоро мы придем обратно...

Бедный, бедный человек! Если бы он знал, что ему уже никогда не вернуться на свой порог, да и его семье не дышать больше воздухом родных мест. Ибо и сам дом исчезнет вместе со своим фундаментом. Но это будет потом.

Они собрались вокруг телеги. Отец и мать помогли усесться на узлы бaбушке, деду, Суре. Молдаванин-извозчик махнул кнутом. И потянул вожжи, и лошади сдвинули телегу. Отец и мать взяли детей за руки и зашагали следом за подводой. И тут они увидели немую Эстер: она стояла у ворот, ведущих во двор, и приветливо махала им рукой.

– А почему Эстер не едет с нами? – обратился Букэ к родителям.

– Она будет смотреть за домом, чтобы, когда мы вернемся, все там было на месте и в порядке.

Увы, и это несчастное существо не знало, какая страшная участь ожидает ее. Эстер была вскоре зарыта в землю живьем вместе со всеми инвалидами города.

А пока было тихо. Только слышался стук копыт по пыльному шоссе да монотонный скрип тележных колес. Подвода миновала мост через Днестр.

Молодые с детьми уходили, а старики оставались. Вся семья направилась на железнодорожную станцию...

Бaбушка Ховэ дрожащими от волнения руками обняла Беньямина, прошептав ему срывающимся голосом:

– Нюмалэ, ты теперь старший мужчина в семье, прошу тебя, будь помягче с Менихэ. Они все нуждаются в твоей защите и любви. Будь здоров, сынок.

Затем она обцеловала внуков, еле сдерживая слезы, прижалась к груди дочери и, уже сквозь рыдания, проговорила:

– Менихэ, доченька, береги себя и детей, слушай Нюму. Увидимся ли мы с тобой? Не знаю. За что нас только Б-г наказывает?

– Ховэ, – строго сказал дед, – Не трогай Б-га.

Букэ взглянул на него и увидел слезы в глазах этого сурового человека – даже не слезы, а скопой влажный от света. Мойше наклонился к внуку и, обнимая, сказал:

– Прощай, мой дорогой... Не забывай своего деда.

Впервые в жизни мальчику стало жаль старого резника.

– Ну, будьте здоровы и вы, – произнес Беньямин, – я думаю, что мы скоро увидимся, а сейчас идите домой. Вы ведь так устали.

– Ох, Нюмэ, Нюмэ, – всхлипывала бабушка, вытирая слезы сморщенным сухим кулачком, – где теперь наш дом?...

Она взяла деда под руку и медленно, по-стариковски, чета стала исчезать из виду. Букэ оглядывался им вслед до тех пор, пока мог их видеть. Но вот они исчезли за поворотом и... навсегда.

Внук так и не узнает, где и как закончили свои дни бабушка Ховэ и дед Мойше.

Станция была заполнена множеством людей. Беньямин с семьей направился к месту расположения комендатуры, где уже гудела огромная толпа, стоящая в очередях.

– Букэ, – сказал отец, – возьми Сюю и посидите на травке, пока мы с мамой все оформим. Видишь, сколько детей там собралось?

Мальчик послушно взял братишку за ручку и направился к зеленому холму. Едва братья нашли свободное место и уселись на ласковую травку, как кто-то больно толкнул Сюю в спину. Это были двое мальчишек, гонявшихся друг за другом.

– Эй, вы! – закричал бегущий впереди, – чего расселись где не надо?!

А задний обернулся и, скривив рожу, с издевкой протянул:

– Абаги, где ваша Сагочка? За кугочкой ушла?

И они оба захочтали. Потом один из них зло проговорил:

– Видал, сколько жидов собралось? Из-за них и сами без ничего останемся.

– Во-во. И откуда столько их понаехали? – согласился другой, – вот бы наши мужики устроили им мордой.

– А, – сожалея, махнул рукой подросток, – легавые и вояки не да-

дут.

Так впервые вошли в лексикон Букаэ и Сюю не слышанные ранее слова и выражения: «беженцы», «талоны и карточки», «эшелон», и еще издевательские клички, на долгие годы прилипшие к судьбе: «жиды», «абраша», «сарочка», «курочка»...

Весь день родители стояли в очереди. Очень хотелось кушать, тем более что Сюя об этом не раз упоминал. Удивительно терпелив был этот ребенок. Он не плакал и не хныкал, хотя вокруг дети постарше ревели и требовали еды.

А когда Букэ сказал, что, мол, надо дождаться родителей, которые обязательно привнесут покушать, малыш согласно кивнул и даже слабо улыбнулся. И действительно, уже ближе к полудню мать принесла что-то из скучных запасов. Букэ с жадностью набросился на еду. А Сюя ел медленно, как всегда привык это делать, и вдруг неожиданно предложил брату:

– Хочешь, я тебе оставлю немного хлеба?

Букэ отказался, но с благодарностью обнял и поцеловал младшенького. Навсегда останется Сюя в его сердце. Боль вместе с памятью об этом маленьком родном человечке будет сопровождать старшего брата на протяжении всей жизни.

Из главы 9

Семья БЕКЛЕР: РАХЕЛЬ (мать), ХАЮНЯ, НЕХАМА, ЕММАНУИЛ (её дети), СЛУВА (бабушка), СЕНЕЧКА (племянник). Нанятая подвода. Степанида и Петро везут на телеге несколько семей, которые пытаются эвакуироваться.

«Несмотря на многочисленность обитателей повозки, разговор между ними не заявлялся. Люди настолько углубились в переживания, что им было просто не до общения.

Вдруг наднебесный гул содрогнул основы мироздания, пробрался бешеным ревом в людские сердца. Тысячезвучный свист, словно ужас, завибрировав в душах, вырвался из человеческих глоток неудержимыми воплями отчаяния – немецкие самолеты с черными крестами на крыльях прервали дыхание дня. И, словно врата ада, раскрылись их люки. Кромешная тьма заволокла небо...

Рахель не знала, кого из детей раньше схватить за руку. Одной она прижимала к груди четырехмесячного Эммануила, второй притянула того, кто был поближе – это оказалась маленькая Нехама, от испуга оцепеневшая на месте и едва не потерявшая способность передвигаться. Мать Рахели Слуга взяла Сенечку, а Степанида схватила на руки Хаюню. Началась всеобщая паника. И над всем хаосом внезапно разверзшейся преисподней пронес-

ся громогласный крик:

– Ложись!!! Все на землю!!! Подальше от дороги!!! Ложись!!!

Чья-то рука потянула Степаниду за подол широченной юбки и она, не добежав до цели, легла на горячую землю, прикрыв собой девочку, оставаясь при этом в поле зрения Рахели.

– Хаюня!!! Иди сюда!!! Немедленно иди сюда!!! – не своим голосом орала Рахель.

Неведомая сила толкала ее в грудь и требовала присутствия дочери рядом с ней. Она была не в состоянии сопротивляться внутреннему голосу, слепо подчиняясь его роковой воле. Девочка приподняла голову и в слезах ответила матери:

– Не пойду! Боюсь! Я с тетей Степанидой останусь!

– Иди сюда, сволочь!!! Иди, кому говорят!!!!

– Не чипай дытыну! Хай тут буде! – отозвалась недоумевающая Степанида.

– Сюда-а-а!!! – вопила Рахель.

Хаюня, рыдая на ходу, стала пробираться к матери. И только она оказалась со своими, начали падать бомбы. Тишина измерялась вечностью. Рахель обвела взглядом сгрудившихся около нее детей:

– Ну, как, цыплятки мои, живы? – спросила она, вместе с тем находя глазами мать. Дочь успокоилась, видя, как та поднимается, стряхивая с себя комья земли и ощупывая руками головки родных существ.

– Все нормально, дочка, – сказала уверенно седовласая Слува и стала оглядываться по сторонам. Рахель, глубоко и облегченно вздохнув, отдала маленького Эмму Хаюне, и принялась приводить в порядок Сенечку и Нехаму. Отряхивая одежду девочки, молодая женщина заметила, как старая Слува оцепенела. Ветер трепал седые волосы, и по окаменевшему лицу, смывая пыль и копоть, текла единственная черная слеза. Рахель проследила направление взгляда матери и... онемела: в том месте, где лежала Степанида, зияла глубокая воронка...

– Хаюня, присмотри за детьми, – походя, бросила Рахель и, не сговариваясь, обе женщины направились к страшной могиле.

Пробираясь между телами земляков – между живыми, ранеными и мертвыми, в нескольких шагах от воронки женщины увидели Петра – и не узнали своего возницу. Видимо, от ужаса, жестокого и безжалостного удара судьбы, зубы у него отбивали дробь, широко раскрытые глаза отражали смесь отчаяния и безумия. Наткнувшись взглядом на знакомые лица, беспомощно и судорожно заглатывая воздух, он, словно хватаясь за соломинку, вопрошал, держа в протянутой ладони каплями крови алевшие бусины из мониста Степаниды:

– Що ж цэ такэ?... Як же тэпэр житы?

Все слова были напрасны. Маленькая щуплая Слува, почти не касаясь земли, подошла к вознице и просто положила седую голову ему на грудь. Первый раз в жизни Петра кто-то жалел – сам не любивший «бабских сюсюкань», раньше он и не представлял, насколько важно непоказанное сострадание человеку, попавшему в беду.

Рахель верила в Б-га, а случившееся сегодня спасение дочери было настолько явным чудом и неоспоримым доказательством существования Вс-вышнего, что ее отчаянно колотящееся сердце заставило шевелиться онемевшие губы, и слезами благодарной души вытекли слова молитвы: «Шма, Исрээль...»

Кто как мог перевязывали раненых. Мало у кого нашлись бинты и йод. В ход шел весь подручный материал, пропитанный самогоном – простыни, наволочки, полотенца, исподнее белье.

Петро потихоньку приходил в себя. Ехать дальше он наотрез отказался. Да женщины и не очень спорили с ним: все понимали, или, вернее, догадывались, что дорога к спасению была отрезана – большая часть Украины захвачена немцами».

Из главы 17.

СЕМЬЯ МАЛЬЧИКА БУКАЛЭ ВАЙСМАНА. В эвакуации.

Климат в степях Поволжья далеко не подарок: летом жарко, дождей мало, нередко дует горячий суховей. Зимой – наоборот: ветер почти не стихает – такой холодный, прорывающий до костей.....

В начале февраля Менихэ родила девочку. Жизнь впроголодь привела к тому, что у матери пропало молоко. Отец стал выпрашивать пропитание для ребенка на ферме, но

Мама, папа, дочь.

там давали сущий мизер, и то не каждый день. Девочка быстро заболела и умерла... Беньямин порылся в старых вещах, нашел застиранную наволочку, завернул тощее бездыханное тельце, пошел на ближнее кладбище... Долго слышались сквозь ветер удары кирки о мерзлый песок, да шорох лопаты, выгребающей землю из могилы. Наконец, все стихло. Послышались шаги у дверей, вошел отец. Налил теплой воды из кастрюли в рюкзак. Помыл руки, вытер их ветхим полотенцем, им же протер раскрасневшееся от ветра и горькой работы лицо. Сел на шаткий табурет, держа на коленях дрожащие ладони. Долго молчал, и сказал тихо, как бы сам себе:

– Ну, вот: была у нас дочь и сестра – и не стало.

Мать беззвучно плакала. Букэ и Сюня отвели глаза в сторону и тоже плакали. Отец вздохнул:

– Что ж теперь делать? Слезы не помогут. Давайте поужинаем. Завтра рано вставать: нам на работу, Сюне – в садик, а тебе, Букэ – в школу. Я подожду, пока кизяк перегорит, закрою заслонку и тоже лягу спать.

Он поднялся и стал помогать матери собирать на стол нехитрую еду...

С горем пополам пережили выжную зиму. В марте дни стали теплее, ветер – слабее. Все чаще по оврагам струились ручьи талого снега.

В апреле сорок второго отца и еще нескольких мужчин вызвали в военкомат. Обратно они вернулись уже в конце месяца. Отец пришел хмурый, обнял мать и детей, сел на хлипкий табурет... От еды отказался, сказав, что уже поел. Подпер голову ладонью и о чем-то задумался, то и дело вздыхая. Менихэ с сыновьями и расспросить-то его толком боялись. Лишь когда все улеглись и, казалось, уснули, Букэ услышал родительский разговор:

– Скорее всего, меня призовут в армию. Я вспоминаю: когда мы прощались с твоими родителями, Ховэ сказала: «Где он теперь, наш дом?» Правильно сказала. И я думаю: увидим ли мы его когда? И что с нами будет?...

Отец оказался прав: летом, в самый разгар полевых работ, его и еще десяток мужчин забрали по повесткам военкомата так быстро, что он едва успел проститься с матерью. Букэ и Сюня где-то играли в степных посадках, потому и не довелось им в последний раз прижаться к родной папиной груди. ...Беньямина и других пригодных по годам увезли в эшелоне в неизвестном направлении.

До самой своей смерти Менихэ продолжала верить, что муж жив, что он вернется. Букэ тоже верил и спустя много лет пытался отыскать следы отца, но, увы – даже из архива безвозвратных потерь ему ответили, что имя Беньямина Вайсмана нигде не числится: ни среди погибших, ни среди пропавших без вести. Человек, выйдя из дверей военкомата, то ли сквозь землю провалился, то ли вознесся в небо. Так отец пропал навсегда.

В конце сентября Менихэ с детьми остались в хуторе единственными из всех беженцев. Женщина металась, выискивая возможность уехать во Фролово, и ей неожиданно повезло: колхоз должен был отгрузить в райцентр солому на корм лошадям. Полная этого добра арба стояла возле клуба. Менихэ слезно упрашивала женщину – бригадира доярок, сопровождавшую арбу, – подбросить ее с двумя детьми до города. Та наотрез отказывалась, заявляя, что не имеет на это права. Но сердце, как говорится, не камень: повелительница коров, наконец, со скрипом, согласилась. И вот, высоко сидя на соломе, наши герои навсегда покидают колхоз. Менихэ то и дело целовала детей, приговаривая, что в городе им будет хорошо. Кто мог предвидеть, что едут они навстречу еще большим мучениям?

Наконец приехали в райцентр. Поселили наших героев в полуразрушенном строении, называемом условно общежитием для беженцев: после бомбежки оно зияло дырами и разбитыми окнами, внутри не было никакой мебели. Печки неисправны, и чинить их никто не собирался. Прочие удобства тоже отсутствовали, каждый обходился, как мог. В убогом жилище были разбиты окна, а щели в стенах затыкали, чем только могли: тряпьем, сухой травой из огородов, соломой, кусками фанеры, ржавым железом. Спали на полу, на своих жалких пожитках, ими же и укрывались. Воздух в «общежитии» нагревался только дыханием обитателей. Температура была немногим выше уличной, разве что не гулял в помещении пронизывающий степной ветер.

Забыли, что такое баня, да и просто нормальное умывание. Мыла не было вообще. Спали не раздеваясь. Антисанитария и базарные объедки, естественно, привели к появлению вшей. Жадные кровососы покрывали все тело, обессиливая и без того истощенный организм. Гниды густо усеивали волосы и складки одежды. После одной «прелести» пришла другая – дизентерия. Помещение не проветривалось, чтобы не лишиться мизера

тепла, и потому можно представить, какой внутри него стоял запах.

Здесь Менихэ с детьми в полной мере узнали, что представляет из себя карточная система. Основа ее – количество хлеба в граммах..... Самые нищие получатели – те, что имели карточки желтого цвета, на которых значилось «сто грамм». Это были старики, дети и иные неработающие члены семейств. Их приварок составлял несколько ложек жидкого капустного супа – фактически баланды. В «общежитии» наших героев таких было большинство – всех этих «низших» получателей называли иждивенцами, и было ясно, что подобный паек постепенно подводил их к голодной смерти. На семью Менихэ полагалось триста граммов хлеба и глиняная миска супа. Женщина ходила по разным учреждениям, умоляя принять на какую угодно работу. Но ей категорически отказывали, причем чиновники низших рангов недвусмысленно давали понять, что «выходцам из капиталистических стран» надо быть благодарными за то, что им вообще что-нибудь дают.

В таких условиях, чтобы не умереть от голода, приходилось бродить по базару, подбирая все, что можно есть, или же просить милостыню. Пока еще была осень, на рынке что-то находилось: либо на земле, либо торговцы проявляли милосердие. Но гранила зима, и положение резко ухудшилось.

Стоит рассказать о так называемом пайковом хлебе. Он состоял из муки низшего качества и просяной лузги. Этот «хлеб» – клейкая серо-бурая масса – мог находиться в компактном состоянии, только будучи недопеченым. В противном случае сей горе-продукт рассыпался, как сухая глина. Но, даже и такой, он был им лакомством...

На базаре, на улицах города Менихэ просила милостыню. Сюня, по малости своих четырех с лишним лет, еще не ощущал стыда – неизменного спутника этого унизительно-го занятия; а Букэ, протягивая руку, отводил при этом глаза в сторону. Мать же не отворачивалась, смотрела людям прямо в глаза своими прозрачными изумрудными очами с невероятным отчаянием и мольбой, благодаря и кланяясь, как это обыкновенно делают нищие.

Однажды с базара они забрели в военкомат в надежде узнать что-то об отце. Там толпился народ, в так называемой приемной было грязно и накурено, но зато тепло. Поэтому уходить оттуда не хотелось. Очередь, выстроившаяся у кабинета начальника, двигалась медленно. Вдруг дверь отворилась, и народу явился сам хозяин кабинета: высокий здоровяк в ладном мундире и блестящих сапогах. Не глядя ни на кого, направился куда-то по своим делам. Менихэ устремилась за ним, что-то торопливо выкрикивая на ходу и отчаянно жестикулируя, но он даже не обернулся. Тогда мать, упав на колени, обхватила его за ноги, умоляя выслушать. А начальник, схватив ее за плечи, брезгливо оттолкнул в угол и злобно выругался:

– Вот, вши жидовские, присосались!

Эта сцена так потрясла Букэ, что он дико вскрикнул – и забился на полу в рыданиях. Но никто не стал его успокаивать, только одна женщина протянула кружку теплой воды. Мать, так же плача, прижимала к себе худенькое тельце сына, глядя его дрожащей рукой, пока он не перестал всхлипывать.

– Мы сюда не будем больше ходить. Может быть, Б-г увидит наши мучения и поможет нам...

Бедная, бедная женщина! Подобно утопающему, она пыталась ухватиться за соломинку иллюзорного чуда.

В тот, последний день жизни Сюни, мать, как всегда, принесла жалкий дневной паек. Сюня ел довольно вяло, отщипывая по кусочку хлеба, набирая по пол-ложки супа. Букэ же, наоборот, сразу покончил с хлебом и жадно поглощал жидкое варево. Затем, увидев, что выхлебал супа больше, чем мама и братик, перестал есть, ибо в миске мало что оставалось. После скучной подачки голод еще шире разверз свои клешни, и Букэ неосознанно смотрел, как Сюня буквально по крохам клевал свою пайку.....

Наконец, пришли на рыночную площадь, где несколько торговок непрерывно топтались, пытаясь согреться, поколачивая одной ногой о другую. Они безучастно смотрели, как Букэ с матерью, держа за руки слабеющего Сюню, подбирали с земли замерзшие огрызки яблок.

Потом копались в отбросах мусорного ящика и были очень рады, найдя там несколько чуть подпорченных картофелин. Обледеневшие колючие огрызки мать и Букэ тут же съели, Сюня же от еды отказался. Он все время дрожал и постанывал. Вслед за яблочными остатками тотчас же набросились на мерзлый сырой картофель, глотая его вместе с кожурой. Сюня шел с трудом, держась за материнский подол.

Прошло более шестидесяти лет, но и теперь Бориса, бывшего некогда Букэ, мучает чувство горького стыда за то, что в тот роковой день он воспользовался добротой младшего братика и съел часть его хлебной пайки. Давно истлели хрупкие косточки Сюни, но сердце взрослого, уже седого брата до сих пор болит о нем.

Итак, они брели, иссекаемые вынуждой, и были так слабы, что их сильным ветром мотало из стороны в сторону, как пьяных.....

Сюня вконец обессилен: как только вошли, сразу же упал на убогую постель. Мать сняла с него то, что с большой натяжкой можно было назвать верхней одеждой, и этими же лохмотьями его укрыла. Ребенка то знобило, то бросало в жар. Наступил вечер, и наши герои, как уже было не раз, легли голодными. Букэ закутался в тряпье и долго не мог заснуть, съедаемый вшивами. Но вскоре усталость взяла свое, сознание словно провалилось в глубокий колодец, и приснилось голодному ребенку, что он на берегу теплого моря, рядом резвится белый пудель, и мальчик-нищий, приветливо улыбаясь, предлагает Букэ толстый ломоть белого хлеба. А старик подзывает ребят к себе, раскладывает на лоскутном коврике краснощекие помидоры и сочную брынзу. Букэ счастлив: мягкая краюха уже у него в ладони, он торопливо подносит ее к рту, предвкушая радость скорого насыщения... Хлеб... Б-же, какой он вкусный! Неужели его придумали на земле?! Букэ вдыхает аромат пшеничного чуда, поднимает голову к небу и хочет поблагодарить Вс-вышнего за то, что оправдались надежды бабушки и мамы... Но теплый прибрежный ветер доносит чьи-то отчаянные глухие рыдания...

– Сынок! Сынок! Проснись! Посмотри, какой ужас – наш Сюня умер. Б-же! Б-же ты мой! За что нам такое наказание?!

Явь вырвала хлеб из рук Букэ. Он увидел мертвое тело брата: его пустые глаза недвижно смотрели на грязный потолок, лицо посинело и заострилось. Некогда пухленький, красивый мальчик превратился в обтянутый кожей скелет. Мать обнимала его, прижимала к себе, горько рыдая, но свершившееся невозможно было изменить ни слезами, ни мольбами. И некому помочь: у каждого своя беда.

Дверь внезапно широко распахнулась, и вошел мрачный бородатый человек. В помещении стало светло, потому что за собой он так и не закрыл. Шагая по убогой ночлежке, бородач стал выволакивать умерших, словно бревна. Сквозь слезы, застилавшие глаза, Менихэ и Букэ увидели, что не только их малыш уснул вечным сном: в бараке находилось еще множество мертвцев. Бородатый оказался из похоронной команды.

И вот очередь дошла до Сюни. Гробовщик сорвал с него тряпье, и взору предстало костлявое тельце, все в красных пятнах от укусов вшей. Раздев ребенка догола, бородатый взял его под мышку и, широко шагая, вышел наружу. Менихэ, слепая от слез, семенила за ним, умоляя дать ей проститься с сыном. Но гробовщик даже не оглянулся.

Взгляд Букэ, бредущего за матерью, предстало зрелище, которое он не забудет до конца своих дней. На дворе стояла повозка с высокими бортами. На ней горой, вповалку, как попало, лежали покойники из ближайших ночлежек. На самую верхушку этой страшной пирамиды бородатый швырнул хилое тельце Сюни. Потом брезгливо оттолкнул плачущую Менихэ, потянул вожжи, и могучий конь-битюг тронулся с места. Мать упала на колени, рыдая, обхватила голову обеими руками. Нечеловеческими воплями, неудержимо рвущимися изнутри, провожала она в последний путь сына. Когда же телега скрылась за поворотом, мать неожиданно смолкла и, сгорбившись, побрела в ночлежку. Букэ, оцепенев от ужаса, пошел за матерью, словно в кошмарном сне. В ночлежке стоял неумолкающий стон: соседи оплакивали своих ушедших.

Остановившись на всхлипе и глубоко вздохнув, мать поднялась с пола и сказала:

– Пойдем за пайком, сынок.

*Из Главы 20.
Рахель, дети и бабушка.*

Всех евреев города Могилева-Подольского собрали на площади возле вокзала. Люди переговаривались между собой, делились догадками о будущем. Кто-то предполагал, что их отвезут в Германию, кто-то утверждал, что немцам не хватает рабочих рук. Наверное, некоторые из этих несчастных догадывались об истинном положении вещей, но человек всегда склонен верить в лучшее и из горького горя намыть хоть крупицу надежды.

Дети плакали, просили кушать. Доставались малочисленные, а у кого-то и последние припасы. Малыши затихали на время, а у взрослых, знаявших, что в следующий раз накормить детей будет нечем, саднило сердце.

Заскрежетали, открываясь, вагонные двери. Не бог весть какая перемена, но затянувшееся ожидание было настолько мучительно для всех, находившихся на площади, что люди, собрав последние силы, нестройными рядами, понукаемые окриками орудовавших прикладами полицаяв, ринулись к железнодорожным путям.

Рахель, сначала подсадив детей, помогла потом взобраться в вагон маме. Затем она бережно передала ей спелёнатого Эмму и тут же, запрыгнув сама, вновь прижала его к груди.....

... Мерный стук колес товарного вагона незаметно убаюкал пассажиров поневоле. Рахель запрокинула голову, опершись о дощатую стенку. Руки у нее онемели от усталости, но она упорно прижимала к груди сына, успокаиваясь его теплом. Слуга, истинная мать, почувствовала, как необходим рукам дочери хотя бы кратковременный отдых, и осторожно взяла у нее малыша. Рахель поблагодарила одними глазами и растворилась в дреме, уносящей в мир воспоминаний:

... За окнами вагона благоуханный май. Рахель только недавно узнала, что снова ждет ребенка – неописуемое восторженное ощущение переполняет молодую женщину... Дома ждет любимый муж, она так соскучилась по девочкам и маме. «Г-споди, как же Ты щедр ко мне! – думает Рахель. – Я так счастлива!»

Молитву прерывает хлопотливый старишок, сосед по купе, Роман Валерьевич.

– Ну, милая барышня, довольно предаваться майским грезам: извольте-ка ополоснуть Ваши пухленькие ручки, и – прошу к столу.

Он уже застелил белым вафельным полотенцем вагонный столик и раскладывал незамысловатую дорожную снедь: краснопузые помидоры, помятые сваренные вкрутую яйца, остатки жареной курицы и ноздреватый черный хлеб с тмином. ...

Последним штрихом, завершающим этюд, был щелчок сумочки, из которой она бережно извлекла плоский флакон модных и редких духов «Красная Москва».

– Ах, какой аромат! – восхитился Роман Валерьевич. Погодите, дайте угадать: «Любимый букет императрицы»?

– Какой такой императрицы? – Рахель как бы обиженно поджала губки. – Это же «Красная Москва».

– А, теперь это так называется?

– А что, раньше называлось иначе? Я-то думала, что эти духи появились совсем недавно.

– Что Вы, сударыня! Они были преподнесены в качестве презента французским парфюмером Августом Мишелем еще покойной императрице Александре Федоровне семнадцатого августа одна тысяча девятьсот тринацатого года, – и Роман Валерьевич выразительно поправил серебряное пенсне на переносице.

– Да что Вы! – Рахель непроизвольно всплеснула руками. – А я и не знала.

– Эх, матушка, много тайн хранит история земли русской! Вот, например, Вы знаете, как называются камни в ваших сережках?

– Знаю. Это черные алмазы.

– Не просто черные алмазы, точнее, бриллианты – это же знаменитая огранка – «черная слеза». Редчайшая! Конечно, цветные алмазы ценятся не так, как камни чистой воды, но работа гравильщика и ювелира поистине уникальна. Это я Вам говорю как потомственный ювелир с более чем пятидесятилетним стажем. Вы только вдумайтесь! – и он повторил нараспев: «Черна-я сле-за». Сочетание тьмы и чистого света, ада и рая, высокой поэзии и площадной браны. Да Вы, милочка, обладаете настоящим сокровищем.

– Да, – сказала гордо Рахель, приподняв подбородок, и прикоснулась к серьгам кончиками пальцев. – Это мне муж подарил, когда у нас Хаюня родилась.

Из главы 21.

БУКЕ и МЕНИХЭ в эвакуации.

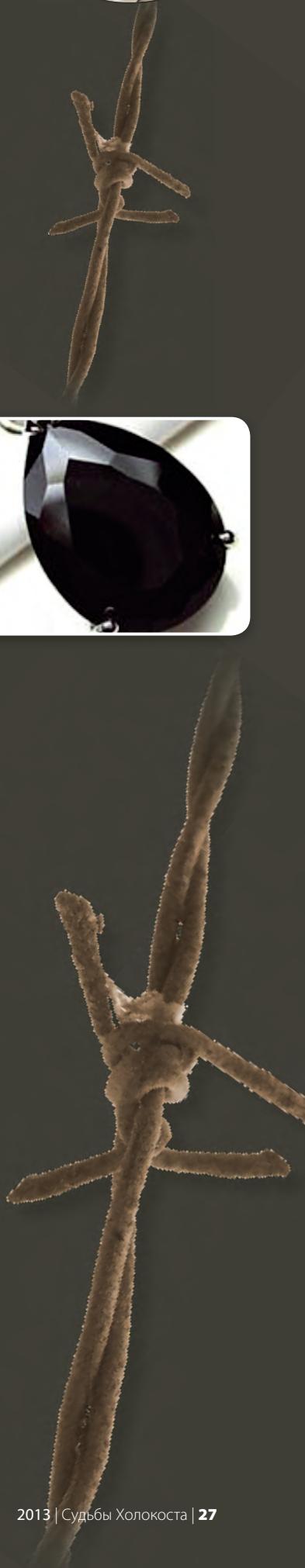
– А где моя мама? – робко поинтересовался Букэ.

– В женском отделении, где ей еще быть?

Ответ произнесли таким металлическим голосом, что у мальчика тут же пропало желание еще что-либо спрашивать.

В палате, где разместилось пятнадцать человек, Букэ положили у самой двери. Надо полагать, таким образом заразных больных отделяли от остальных. На железной, Б-г знает какого века койке, лежал матрас, набитый соломой. На матрасе – подушка с неизвестным содержимым. Две простыни – нижняя и верхняя, а также жиidenкое армейское одеяло. Все это было чистое, как до войны. В палате не очень тепло, но это сущий пустяк, если есть возможность свернуться калачиком в настоящей постели – и тут же уснуть

Ужина, как и следовало ожидать, не было. Завтрака на следующее утро – тоже. В ночлежке утром они хоть что-то, но ели. Правда, скучный завтрак был подчас и обедом, и ужином. А здесь – вообще ничего. Впрочем, как позже выяснился, в госпитале все-таки кормили, но не чаще чем раз в два дня. Ходячие раненые сами добирались до столовой, а прикованным к постелям еду приносили в палату.

Изголодавшийся Букэ, мучимый запахом пищи, отворачивался к стенке и укрывался с головой одеялом. Никто не обращал на него внимания и уж тем более не интересовался его состоянием. Санитарка, ... подойдя к его койке, сказала:

– Это тебя Борисом зовут?

– Да.

– Там, в приемном покое, тебя твоя мать ожидает.

Он быстро вскочил с постели, надел халат, сунул ноги в старенькие шлепанцы и поспешил в приемный покой. Там стояла мать в плюшевом пальто, видавшем виды. До войны это была настоящая роскошь... Теперь пальто пестрило многочисленными заплатами, но прорех на нем было еще больше. На голове у женщины трухлявая ветошь, которую вряд ли можно назвать платком. На ногах разноцветное тряпье, где-то подобранное материю. Тряпье перевязано какими-то бечевками, как это делали калики перехожие, голь перекатная. Наряд дополняли вдрызг изношенные галоши, что Менихэз в минуту случайного везения нашла на базаре.

Теперь-то Букэ по-настоящему понял, что выражение «пухнуть от голода» – не иносказание. Перед ним стояла мать, тридцатилетняя старуха, с лицом, отекшим настолько, что ее миндалевидные изумрудные глаза превратились в слезящиеся щелочки. Из-под ветхого платка вырывалась седая прядь.

«Бедная матушка! Что с тобой сделала жизнь!» – подумал мальчик, изо всех сил стараясь не заплакать.

– Букалэ, – сказала женщина странным охрипшим голосом, – Я решила уйти из больницы, чтобы найти еду. Иначе мы просто умрем от голода. Ты не беспокойся за меня – я завтра приду.

И она, поцеловав сына, направилась к двери. На мгновенье обернулась на пороге, улыбнулась вымученной улыбкой, приветливо махнула рукой, вышла на улицу и – навсегда.....

На другой день мать не пришла. Не было ее и на третий, а на четвертый. Утром Букэ услышал чей-то стук в оконную раму. Взглянув, он сразу узнал соседку по ночлежке. Мальчик кинулся к окну и умоляюще спросил:

– Скажите, где моя мама?

– Она умерла сегодня ночью.

– Умерла... Как – умерла?! – Дыхание у Букэ перехватило.

Соседка что-то еще говорила, но мальчик ее уже не слышал. Он бросился на свою койку и забился в рыданиях. Букэ укрылся с головой, чтобы никто не слышал горького плача. Худенькое мальчишечье тело содрогалось от всхлипов. Несколько дней он не мог успокоиться.

Он лежал, смотрел в потолок, думал невеселую думу, ибо уже дошло до ребячего сознания, что он – круглый сирота.....

И вновь наворачивались слезы, и вновь он поворачивался лицом к стене, накрывался с головой одеялом, и невыносимая взрослая тоска сжимала детскую грудь, перекрывая воздух.

Из главы 28

Семья БЕКЛЕР: РАХЕЛЬ (мать), ХАЮНЯ, НЕХАМА, ЕММАНУИЛ (её дети), СЛУВА (бабушка), СЕНЕЧКА (племянник) в ГЕТТО «Мертвая петля». Один из приказов по гетто: «За сорванные плоды с фруктовых деревьев – расстрел...»

Июль благоухал. Глухо падали на землю созревшие яблоки, оранжевые абрикосы оттягивали долу гибкие черные ветви, драгоценными камнями сверкали в темной листве перезрелые вишни.

Яцек, Миля и их дочурка Кася уже который год приезжали на лето к бабушке в Каменец-Подольский. Там и застала их война. Молодые с девочкой оказались в лагере, а бабушка, не выдержав испытаний, вознеслась на небо, дабы доносить молитвы за своих детей к престолу Вс-вышнего. В «Мертвой петле» семья нашла себе пристанище возле котельной, где Яцек из досок и картона соорудил некое подобие будки. Молодые проводили в этом укрытии все время, а пятилетняя Кася целыми днями слонялась по лагерю одна. И потому люди не сразу обратили внимание на исчезновение ее родителей.

Лишь много позже выяснился, что, заплатив румынскому охраннику нехитрым золотым запасом семьи, Яцек и Миля сбежали, благополучно оставив Касю до конца пройти отпущеный ей испытательный срок.

– Как же они так, сволочи? – шептались бабы.

– Да им сказали: «Счас тикайте», а за дитем, мол, потом вернетесь.

– Вернутся они, как же! Эта фифа только о себе и думала...

– Бедная сиротка, что ж с ней будет?

А Кася, забравшись под вечер в семейное убежище и не найдя там ни мамы, ни папы, зашлась громким плачем. Однако утешить ее было некому: взрослые, еще не утратившие от голода способности к размышлению и состраданию, были погружены в невеселые мысли о

прокорме собственных детей, а те одиночки, которые и могли бы посочувствовать ребенку, находились в таком состоянии, что сами не понимали, на каком они свете.

Слуга сидела под горячим июльским солнцем, подставив исхудалое, землистого цвета лицо живительным лучам. Странное умиротворение разливалось в душе старой женщины: впервые в жизни она смотрела в небо и ничего не просила. И плоть ее, и дух находились за гранью восприятия житейских ощущений. И тут покой ее нарушило робкое прикосновение. Слуга открыла глаза. Перед ней стояла чумазая худенькая девочка с давно не чесаными волосами. «А-а, это та сиротка... Брошенная...»

– Бабушка, можно, я с тобой посижу?

– Конечно, мэйдэлэ, садись.

Кася присела рядом на землю и тут же положила головку Слуге на колени. Старушка непривычно начала гладить узловатой ладонью спутанные каштановые кудряшки. А девочка, давно отвыкшая от ласки, неожиданно произнесла:

– Бабушка, возьми меня к себе – я мало кушаю.

– Девочка моя, если бы у меня было хоть что-нибудь! Вот придет моя дочка, она обязательно нам что-то принесет.

– Нет, не надо! – воскликнула Кася. – Вдруг она не разрешит тебе меня взять? Я лучше сама вам покушать принесу – я знаю где.

Крик застрял комом в горле Слуги, когда она поняла, что Кася, перебирая босыми ножками, вприпрыжку бежит к знакомой старой вишне... Пока Слуга задыхалась от страха, девочка смело подошла к дереву, двумя руками стала обрывать пурпурные ягоды, похожие на сердечки. Одна ладошка затачивала лакомство в рот прямо с косточками, другая с невероятной быстрой наполняла вишнями кармашек замыгданного платьица.

– Цу вэг! Гейт! – послышался металлический скрежет. Охранник вскинул автомат и передернул затвор. Но Кася, даже не повернув голову, лишь беззаботно прощебетала, выплюнув косточку:

– Сейчас-сейчас, дядечка!

А «дядечка», повинуясь уставу Третьего Рейха и правилам лагеря «Мертвая петля», с чувством выполненного долга нажал на курок, чем обезопасил великую Германию от опасных расхитителей и нарушителей порядка.

Казалось, Кася просто лежит и греет на солнышке свое тщедушное тельце. Сок недожеванных вишен стекал по ее заострившемуся подбородку, а из синих глаз, смотревших в небо, не успело улетучиться выражение счастья: девочка словно благодарила неизвестно кого за вкусный и щедрый подарок и ей, и доброй бабушке Слуге, и еще незнакомой Слугиной дочке, которая, наверное, не прогонит ее, а возьмет такую умную девочку в свою семью.

Яркая вишневая россыпь – последнее, что видела Слуга, – вспыхнула багровым взрывом. И легкокрылые ангелы, прилетевшие за душой маленькой Каси, подхватили еще одну отмучившуюся душу.

Рахель и Мина с ватагой детей возвращались после купания... Ребяташки прыгали, словно козлята на весеннем лугу. Женщины шли неспешно, тихо беседуя.

– Мина, ты только не пугайся, но я краем уха слышала, что наш лагерь подлежит ликвидации.

– Ликвидации? А нас куда? – растерянно спросила подруга.

Вместо ответа Рахель приостановилась. У нее просто перехватило дыхание, и она уставилась на Мину такими вытаращенными глазами, что та все поняла без слов.

– Бежать надо, подруга. Срочно. У тебя есть что-нибудь ценное? Их можно подкупить.

.....

– Бабушка, бабушка! Мы тебе водички принесли.

Сенечка первым подбежал к Слуге. Та сидела, откинув седую голову назад. Подошли остальные. По тусклому каменному взгляду и полуоткрытыму рту матери Рахель мгновенно поняла все, и, может быть, впервые за время жуткого испытания страх вместе с болью потери пронзил ее тело насквозь. Она пала на колени.

– Мама, мамочка! Как же я без тебя? Зачем же ты ушла?

И она зарыдала, бросив голову на безжизненные колени матери.

Продолжение следует в журнале № 8

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

КАРТИНЫ ВАРШАВСКОГО ГЕТТО

Посвящается памяти Хайма Бермана,
бывшего узника Варшавского Гетто.

«МАМЗЕР»

1930 г. Тогда мы жили в светлой Варшаве. Там прошли мои самые счастливые и самые страшные годы детства. Я был старшим в семье. Тогда мне только исполнилось пять с половиной, но я уже чувствовал ответственность за свои поступки: так воспитали родители. В то дождливое лето я ходил учиться в хейдер на улицу Лешно, дом 110.

Занятия проводились на первом этаже огромного шестиэтажного здания, выстроенного буквой «И», с двумя дворами и воротами — перед домом и сзади. Через дворы, мощенные булыжником, проложены канавы глубиной в полметра. Летом мы бегали босыми, берегли обувь. В тот день Ребе Абрахам отпустил нас раньше времени из-за начавшегося ливня. Дождь барабанил по крышам. Водяные потоки заполняли улицы и канавы. Я выскочил из здания и, решив пересечь двор по канаве, смело зашлёпал босыми ногами по холодной воде. Мне доставляло удовольствие бежать и брызгаться. Но вдруг я почувствовал, что куда-то проваливаюсь. Меня затягивал водоворот. Через секунду я понял, что попал в открытый люк. Держась кончиками пальцев за край колодца, я начал звать на помощь. Сквозь мокрые ресницы разглядел приближающегося Залмана. Мой дружок увидел, как я барабтаюсь и зову его, стараясь удержаться на поверхности, но сделал испуганные глаза. И вместо того, чтобы броситься спасать меня, дал дёру. На минуту я представил, что сейчас прибежит мама (мы жили недалеко) и увидит меня в грязном, неприглядном виде, решил во что бы то ни стало выбраться из этого вонючего люка. Рассердившись на самого себя, я собрал оставшиеся силы, всем телом поддался вверх и каким-то чудом выскочил из грязной воронки.

Очнувшись на твёрдой земле, я взглянул на страшный водоворот, в котором только что барабтался и почувствовал гордость, что мне всё-таки удалось побороть свой страх. Ни на минуту не пришло в голову, что я мог утонуть. Наверное, эта уверенность спасла меня от верной смерти. От ветра и дождя, который усиливался, я спрятался на верхнем этаже дома. С меня стекала вода, пропирал озnob до самых костей. Голые подошвы ныли от холода. Вдруг в окно я увидел подбегающую к люку маму. Залман бежал за ней. Не увидев меня, она схватилась за голову. Её рыдания заглушал ливень. Я высунулся в окно и закричал:

— Мамэ, их бин до! (Мама, я здесь.)

Увидев меня, она просияла и крикнула в ответ:

— Мамзер, кум а гэйм!» (Мамзер, иди домой.) Она с детства так называла меня. Страх и радость смешались в её крике, а глаза — полны слёз. Ведь она сильнее всех любила своего «мамзера».

ГОРЬКИЙ ВКУС ХЛЕБА.

В 1939 г. произошла эта история, ещё до того как я попал в Варшавское гетто вместе с моими близкими. Как-то, ранним снежным утром, в четыре часа, я пошёл за хлебом. На улице Лешно — ни одной живой души. Завернув на улицу

ЛЮБОВЬ КАЗАЗЬЯНЦ

ЛЮБОВЬ КАЗАЗЬЯНЦ
Об авторе:

Родилась в Тбилиси (Грузия). Приехала в Израиль из Ташкента (Узбекистан) в 1997 году.

Профессиональный музыкант, скрипачка. Мои увлечения: рисую, вяжу крючком, делаю поделки из пластилина «Фимо», пишу прозу и стихи с 1970 года. Печатается в Израиле в Издательстве Марка Котлярского с 1998 года в его журналах «Роза ветров» и «Хронометр», в других журналах Израиля и России, а так же в интернете на сайтах «Стихи.ру» и «Проза.ру». На конкурсах в интернете неоднократно занимала призовые места.

«Любовь Казазьянц — автор поделок, посвященных теме «ХОЛОКОСТ» расположенных на полях этого журнала»

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

цу Вронья. Дошёл до хлебного магазина, на углу улицы Бждовской, где тянулась очередь — человек десять. В ней стояли одни поляки, евреи боялись даже приближаться к магазину «Золотый рог». Внешне я был похож на немца — такой же рыжий и голубоглазый. Они принимали меня за своего, но поляки разбирались в этом лучше других. Я мёрз в очереди до семи часов. Наконец привезли хлеб. Тут ко мне подошла полька, лет тридцати и тихо сказала на родном языке:

— Эй, жид! Выходи из очереди, я встану на твоё место. Если не выйдешь, объявилю всем, что ты — вонючий жид».

Я ответил:

— Не хочу».

Тогда она ударила меня по лицу и тотчас получила ответ — удар ногой в живот. Очнувшись в канаве, она подняла вой. Тогда некоторые из очереди, словно озверев, начали бить меня кулаками и пинать. Я только успевал прикрывать лицо от ударов. А разъярённые поляки кричали:

— Бей жида!

Но моё счастье нашлись добрые люди, которые защитили меня, купили для моей семьи две буханки горячего хлеба. Дали в руки и, провожая, сказали мне:

— Иди с Богом!».

По дороге домой я со слезами жевал и глотал хлеб. Но плакал не от боли, а от благодарности к тем полякам, которые поняли, что и нам евреям, надо кушать. Ведь хлеб был нашей основной пищей.

Когда я принёс горячие буханки домой, родные глазам своим не поверили.

Они были счастливы и благодарили:

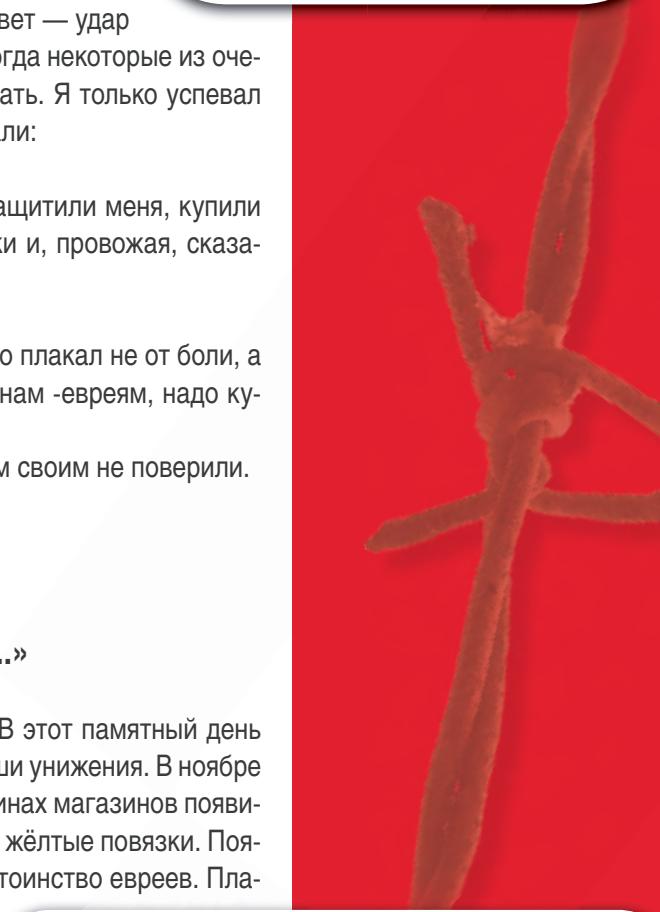
Спасибо, Хаим, ты — наш кормилец!

Помню, в тот вечер мы пировали на славу.

«ГОРИ, ГОРИ ЯСНО, ЧТОБЫ НЕ ПОГАСЛО...»

1 сентября 1939 г. началась Вторая Мировая Война. В этот памятный день бомбили Варшаву. С первого дня оккупации начались наши унижения. В ноябре закрыли все еврейские школы. На окнах домов и на витринах магазинов появились надписи «Юде». В декабре евреев заставили носить жёлтые повязки. Появилось множество указов, унижающих человеческое достоинство евреев. Плакаты, воззвания, пропаганда в прессе были направлены против еврейского населения. Так началось гетто*. Зима в 39-м выдалась снежная, морозная. Как-то в декабре мы с братом Иосифом шли по улице Смоча. Там, у сарая, младшие ребятишки разожгли костёр. Рядом грелся старый дедушка. Видно, годов ему было за сто: весь в морщинах, седая борода спускалась до пояса. Худой сгорбленный старец стоял, опёршись на палку. Его костлявые руки тряслись, а мутные глаза прикрывали седые брови.

Детишки бегали вокруг костра и покрикивали: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло...» Они подбрасывали в костёр старые тряпки и всякий хлам, чтобы поддержать пламя. Мы с братом задержались: засмотрелись на огонь, да и погреться — не грех. Как вдруг из-за угла соседней улицы вывалились три подвыпивших немца. Они шли в развалку и орали на немецком свои похотливые песенки. Один из них стал приставать к старику-еврею. Другой, помоложе, сорвал с его головы ды-

рявую ушанку и, просунув в дыры пальцы, вогил что-то по-немецки. У одного

из них оказался фотоаппарат, и они решили сфотографироваться с дедом. Только тогда мы поняли, что дед — слепой. Немцы всячески издевались над стариком, а потом заставили его раздеться на морозе. А когда старик, дрожа от холода, остался в одних рваных кальсонах, жирный немец с отвисшими губами вытащил из кармана спички и стал чиркать, поднося горящие спички к слепым глазам старика. Тот от неожиданности шарахался в стороны, а фашисты громко гоготали, потешаясь над дедом. Старика тряслось от холода, тогда тип со спичками подскочил к несчастному и подпалил ему бороду с криком:

— На, согрейся!

Длинная борода и волосы деда вспыхнули и так быстро загорелись, что тот даже вскрикнуть не успел.

Дети разом смолкли и замерли.

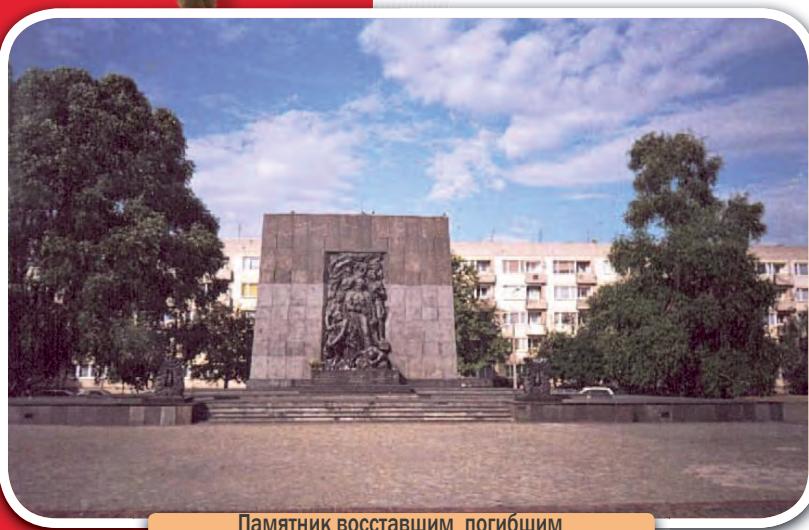
А фашисты пихнули Иосика под зад, один подмигнул мне и сунул в карман шоколадку. Эти гады принимали меня за своего, (я с детства был рыжий и голубоглазый).

Мимоходом они по очереди пнули обгоревший труп деда, перешагнули через него, плонув в его сторону, и поплелись дальше как ни в чём не бывало, продолжая орать свои непотребные песни.

Мы остались стоять у костра, переглядывались, не вымолвив ни слова.

«Гори, гори ясно, чтобы не погасло» пламя ненависти к фашистам,...ко вся кому тотальному произволу.

Решение об организации гетто было принято 16 октября 1940 года генерал-губернатором Гансом Франком. К этому моменту в гетто находилось около 440 тысяч человек (37% населения города), при этом площадь гетто составляла 4,5% площади Варшавы.

Памятник восставшим погибшим

*Слово «Гетто» — произошло от названия квартала в Венеции (1516 г.), обнесённого высокой кирпичной стеной, где проживали мастера отлива пушек, чтобы не распространился секрет отлива пушек, которые изготавливались там же. А в средние века в Испании уже существовали гетто евреев, так же обнесённые стенами от грабителей. Евреи всегда жили общиной и так защищались от врагов.

(Примечание автора).

МЫ - ЖИВЫЕ. И МЫ ГОВОРИМ

1. Гетто.

Гетто, для евреев села Песчаное (Одесская область) организовали, между прочим, не немцы! Они вошли в село в августе 1941 года, навели там свой фашистский порядок, оставили своих, т.н. «наместников». Предоставили румынской полиции хозяйничать, а немцы пошли дальше, «завоевывать мир». Под гетто опоясали колючей проволокой бывшую улицу (!) – Ленина. Все по известной, раз и навсегда выработанной схеме: желтые шестиконечные звезды на груди и спине (Чтобы легче целиться?), принудительные изнуряющие работы для людей старшего возраста. Голод. Холод. Безнадежность. Унижения.

В январе 1942 года ночью нас выгнали на площадь. Стоял лютый мороз. Мы не успели даже, как следует, одеться или взять с собой хоть какие-то вещи. Среди толпы таких же несчастных, как мы, наша семья из 12 человек ничем не выделялась. Папа Исруль, мама Мася, бабушка Циля, еще тетушка – мамина сестра. Остальные восемь – мы, дети. Мне 13 лет, а младший Абрамчик – совсем еще грудной младенец. У папы сильно болела раненая еще в Первую Мировую войну нога. Мыостояли до утра. Нам не разрешали уйти с площади даже по естественной надобности. Мама шепнула мне, пока было еще темно:

- Попробуй, может, сможешь. Проберись в дом, там мука осталась.

Получилось. Я улизнул от охраны, в темноте, как попало, набил карманы мукой и вернулся на площадь к семье. В дальнейшем это помогло нам хоть как-то продержаться. Мыостояли на площади еще один день. Старики, женщины, дети. Когда появились телеги и людей стали грузить на них, казалось, что это спасение: хоть какая-то ясность, какое-то изменение, а не изнуряющее замерзание на одном месте. Кого-то погрузили, кто-то шел пешком.

Неизвестность шла вместе с нами. Куда нас ведут? Что будет с нами? Долго ли еще продлится этот изнуряющий путь? По дороге оставляли замерзших. Моя сестра Бетя отморозила пальцы на ногах. В дороге мы ничем не могли ей помочь. А когда через двое суток глубокой ночью нас выгрузили в какие-то бараки, мы только на рассвете поняли, что теперь наш дом – бывшие недостроенные свинарники. Бетя сняла сапоги. Ноги были черные. Среди нас оказался еврей фельдшер. Он сказал, что пальцы надо ампутировать. Иначе начнется гангрена. Это смерть. Я не в силах расска-

Иосиф Сигал
Малолетний узник гетто (1941-44 гг.)
Сегодня ему 85 лет. Живет
в Израиле (г. Ашдод). Активный
участник «Группы Милосердия»

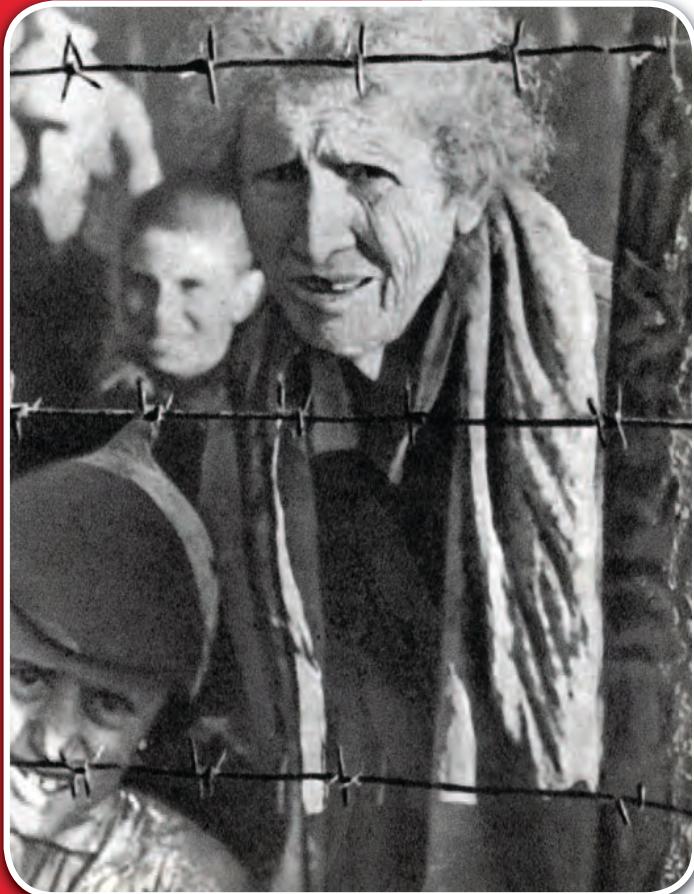
Я долго молчал. Тяжело не только рассказывать, но даже просто вспоминать. Сейчас, когда нас, живых свидетелей Катастрофы осталось не так уж много, а голоса антисемитов все громче и беззастенчивее лгут о том, что ничего этого не было, разве можно молчать? Да, господа! Фашисты убивали не только евреев. Но людей всех других национальностей убивали как врагов, а евреев уничтожали только за то, что они евреи. Это и есть геноцид.

Вот, 3 апреля этого года мне – 85 лет. Я имею право говорить. И пусть нелегко вспоминать, я обязан рассказать людям о зверствах фашизма, о печальной судьбе моей семьи. Вместе с теми, кто готов меня выслушать, я пройду по той дороге смерти с болью в душе хотя бы ради того, чтобы те, кто пришел и еще придет в этот мир, больше не шли по этой дороге. Пусть будет их путь светлым и мирным.

ДЕТИ ХОЛОКОСТА

зывать об этом подробно. Нож. Никакого обезболивающего... Кто-то как-то нашел способ добыть у местного лесника барсучье сало. Помню только, что это был обмен, оставивший семью без многих вещей, необходимых для выживания. Но маленькая баночка этого зелья спасла ноги Бети. Хотя, конечно, она осталась на всю жизнь калекой.

2. Свиарники.

Село, куда нас привезли, называлось Ободовка. (Винницкая область) Оно находилось довольно далеко от основных населенных пунктов. Здесь не было даже воды. Мы прибыли сюда не первые. До нас тут уже существовали евреи, согнанные сюда из других из других мест. В бараках свирепствовал тиф. Живые и мертвые лежали вместе. Поэтому нам пришлось в первые же минуты искать себе места буквально на ощупь. Теплый - живой. Не трогать! Если нащупывали холодное тело, значит, его можно вынести и занять это место. Прошел день, снова наступила темень. Места были найдены, мы, уставшие после дороги, свалились, кто, где смог. Но в эту первую ночь нас оглушило зверское нападение местных полицаев. Они избивали изнуренных людей, требуя спрятанные драгоценности и золото. К утру они, наконец, ушли.

Начались ночи, заполненные поисками пищи и воды. Выкапывали в поле мерзлую картошку и бурак. Сестра Рая умерла. Голод и тиф косили людей.

И тогда мы собрались всей оставшейся семьей и решили: Надо бежать. По сути, убежать не составляло большого труда. Охраны почти не было. Полицаи и фашисты понимали, что изнуренные голодом, морозом, тифом люди не решатся на побег, а если и решатся, то далеко не уйдут. За месяц нашего прозябания моя старшая сестра Поля сумела найти знакомого старика среди свободного населения, и ночью он отвез нас до местечка Бершади.

3. Дорога «домой».

Там нам помогла учительница местной школы украинка тетя Мария. Она нашла нам место, спрятала. Несколько дней мы просидели в клуне. Кругом были фашисты, а мы сидели тихо, никуда не выходили. Учительница приносила нам поесть. Через несколько дней мы поняли, что пора уходить. Нельзя было так долго злоупотреблять добротой женщины, приютившей нас, несмотря на смертельный риск лишиться жизни за укрывательство евреев. Мы решили пробираться в своё село Песчаны. Ведь там был наш дом. Шли только по ночам. Днем прятались, где придется. Несколько суток мы

были в пути. Старшие дети несли маленьких. Голодные, в одежде, совершенно не пригодной для долгих ночных переходов по заснеженным морозным дорогам, мы с риском быть пойманными полицаями или немцами, вынуждены были, тем не менее, обращаться к людям за помощью. Конечно, делали мы это крайне редко и очень осторожно. Встречались такие, которые жалели детей и измученных наших родителей, давали что-то поесть. В дом обычно не пускали, это слишком рискованно.

И вот – мы в своем селе Песчана. Дом наш представлял теперь печальное зрелище. Разграблен подчистую. Надеяться, что нас не загонят тут же в гетто, бесполезно.

4. За колючей проволокой.

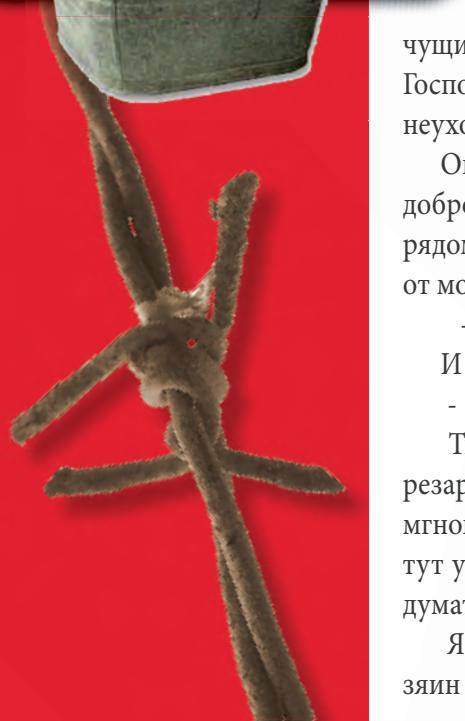
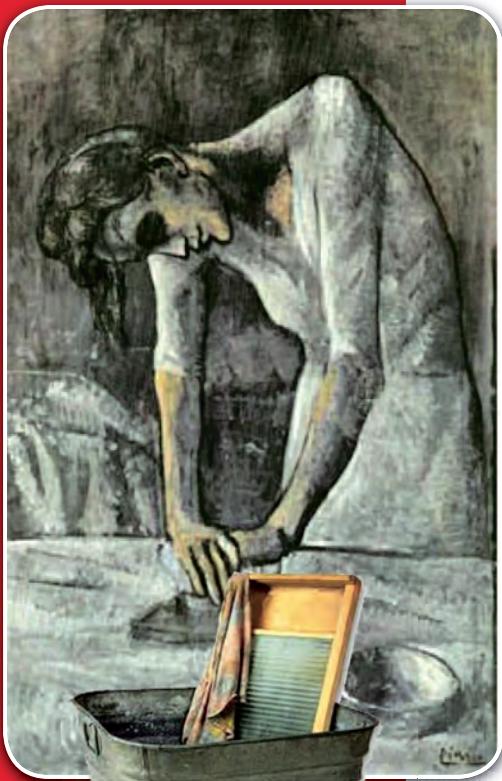
Конечно, мы сразу же оказались за колючей проволочной оградой.

Конечно, это были не тифозные свинарники. Но по-прежнему нас мучали проблемы с водой. Колодец был по ту сторону гетто. За водой выпускали стариков. Видимо, с таким расчетом, что они-то никуда не сбегут: не те силы: еле двигаются, а кроме того, старики не оставят своих без воды. По скользкой, тяжелой дороге хоть ползком, но вернутся в гетто. Страшно смотреть на эти измученные, еле передвигающиеся тени, несущие воду в гетто. Нас не переставал мучать голод. Можно осторожно, вдали от охранников выменять на еду что – нибудь из остатков одежды у местного населения. Но в чем самим-то ходить в такую стужу? К тому же, как только мы вернулись в гетто, меня свалил тиф, видимо, я принес его еще из свинарников. Хорошо, что об этом не дознались немцы. В противном случае, меня бы просто пристрелили, чтобы пресечь распространение заразы.

В селе к тому времени расквартировалась рота румын. Однажды их комендант отмечал свой день рождения. Комендант распорядился привести из гетто людей, работа нашлась всем. Бабушка Циля замечательно пекла. Её и еще других евреев расчетливый именинник решил не расстреливать: «Пусть поработают на меня. Расстрелять я их всегда успею». Я и мой товарищ стали работать у коменданта в конюшне: чистили лошадей, кормили их, а потом выполняли все, что прикажут. За работу получали обедки. Мы все несли все в семью, чтобы как-то спасти всех от голода. Мама пекла и шила, девочки вязали. А старшая сестра Поля стирала белье у румынов.

Нас, голодных, грязных, оборванных, обессиленных болезнями и тяжелой, работой, часто проверяли на честность: остав-

ляли, будто бы без присмотра, еду, одежду, какие-то вещи, а то и мелкие деньги, потом наблюдали, возьмем или нет. Но мы – то знали, чем может закончиться присвоение хотя бы даже ничего не значащей, не стоявшей ничего собственности немца. Несмотря на то, что, по сути, это все появилось у хозяина в результате ограбления тех же еврейских домов, малейший проступок еврея карался смертью. Потом нашего папу забрали на строительство моста в селе Варваровка Николаевской области. На этих работах он отморозил ноги. Вернулся уже инвалидом. Долго не мог ходить.

5. Расстрелы.

Если тебе едва 14 лет, и ты после долгих лет мучительного существования под властью фашистов все еще надеешься, что когда-нибудь это закончится, только бы выжить, только бы вынести все эти нечеловеческие издевательства, унижения, бедствия, то как забыть, что тебя выводят на лесную поляну, наставляют на тебя оружие...

И ты понимаешь, что вот сейчас не станет этого леса, не станет света, не станет тебя. Навсегда.

Еще минуту назад ты ехал на подводе, вез веселую компанию гогучих немцев, поддавших по какому-то случаю. Тебе велели остановится: Господа надумали сфотографироваться на фоне такой экзотической лесной неухоженной природы.

Они углубились в лес. А к подводе откуда-то сзади появилась группа добровольцев, содействующая немцам. Один из них остановился совсем рядом с тобой, пристально глядя в твоё мальчишечье лицо, разгоревшееся от мороза и быстрой езды, дыша на тебя тяжелым душным дыханием:

- Ты жид?

И что толку было молчать или отрицать...

- Вставай, пошли.

Ты пошел. Он велел тебе остановиться у дерева на поляне, щелкнул пеперозарядкой. Ты успел подумать: «И вправду говорят, что перед смертью за мгновение вся твоя жизнь может промелькнуть в сознании». Да и то! Чему тут удивляться, долго ли вспомнить такую короткую жизнь. Успел еще подумать: «Маму жаль. Переживет ли она потерю еще одного ребенка?».....

Я не слыхал, как звал меня возвратившийся с фотоаппаратом немец, хозяин телеги, не заставший меня на месте. Я услыхал его резкое возмущенное:

- Хальт!

Доброволец вздрогнул и опустил руку.

- Вас ист лос? – Хозяин был явно раздражен самоуправством холуя. Ведь это только он, немец, представитель великой нации, ариец голубых кровей имел право решать, когда лишить жизни своего раба.

Доброволец сник, однако промямлил в оправдание, тыча пальцем в свою жертву:

Юдэ! Юдэ! Паф- паф!

- Найн! – в этом запрете звучало презрение к холую, самоуверенное хозяйское самоутверждение победителя над побежденным, уве-

ренным, что его вещью не смеет распоряжаться никто, кроме него самого.

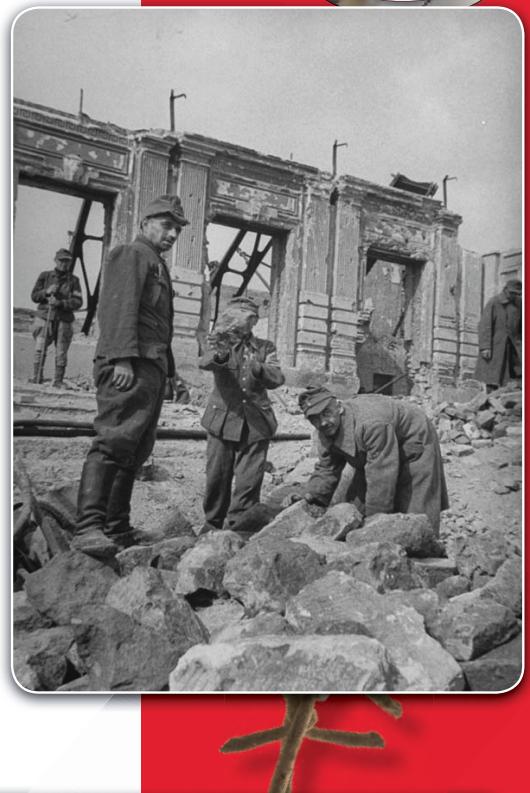
В феврале 1944 года всех ребят моего возраста и старше собирали во дворе скотного двора. Нас держали всю ночь. На утро была назначена акция: расстрел. Причину нам не говорили. И так ясно: потому что родились евреями. А вот почему отменили расстрел, это действительно: по неизвестной причине. Но что стоило нам это ночное ожидание смерти, нам, пацанам, еще не успевшим и понять, что оно такое: свободная жизнь.

6. Освобождение.

Я часто вспоминал эту великонацистскую спесь на лице моего хозяина, когда после освобождения 14 марта 44 года, проработав в колхозе год, поступил в ФЗО, закончил его, получив специальность штукатура - маляра и работал на восстановлении завода по производству станков, на котором работали пленные немцы. Я не раз напрасно пытался заметить, отыскать хотя бы в одном лице военнопленного намек, остаток гордости своей принадлежностью к нации, позволившей себе поверить, что она имеет право стереть с лица земли древнейший народ, целый народ.

После войны было не легко жить. Когда в 46 году пошел на работу, жил в общежитии, где в одной комнате проживало 38 человек. Все русские. Один я – еврей. Жестокое было время. Мало того, что карточная система, 700 граммов хлеба – и ни крошки больше. Люди от голода в обморок падали. А к тому же еще -обидно и горько мне было, что после всего пережитого в оккупации я натолкнулся на издевательства своих же, русских парней! Выходило, что я для них, как и прежде для румын и немцев, был опять – таки «жид», которого можно и оскорблять. Но теперь я знал, что могу защищаться. Жестоко и по – настоящему! У меня был широкий ремень, намотанный на руку. А между пальцами - лезвие. К концу 47 года нас, наконец, распределили по комнатам в 5-6 человек. Стало легче. А затем и карточной системе пришел конец.

И теперь, когда я давно уже живу в Израиле, на земле возрожденного еврейского государства, когда я опять слышу эти спесивые призывы новоявленных фюреров стереть с лица земли евреев, я знаю точно, что все их «великие идеи» и сумасшедшие посягательства на наше право жить на своей земле в мире и процветании закончатся точно так же, как это уже не раз происходило с врагами еврейского народа. Нельзя допустить повторения Холокоста. Надо помнить каждого, кто попал под его раскачавшееся смертоносное колесо. Надо помнить!

«И ПОДЕЛИТЬСЯ С МИРОМ БОЛЬЮ...»

Хаим и Хая Курицкие

ЕМУ БЫЛО 20 ЛЕТ.

Литовский городок Утины. 200 лет назад нашла себе здесь прибежище еврейская община. Так что для Хайма Курицкого городок этот да и сама Литва, конечно же – дом родной, самая настоящая родина. Ко второй Мировой войне и к нашествию гитлеровцев на Литву, тогда уже ставшую Советской, в общине насчитывалось примерно 3 тысячи евреев. А это, между прочим, составляло около половины всего населения городка. Уже в самом начале войны евреи, хорошо представлявшие, что ждет их, когда в город придут фашисты, бежали, кто как мог. Ни для кого не секрет, что боялись они не только нацистов из Германии, но и своих, «доморощенных» антисемитски настроенных литовских сограждан. Хаим с его мамой тоже двинулись на Восток, добрались пешком до Двинска, а там были задержаны немцами. Мать и сына разлучили. Мать – в гетто, Хайма – в тюрьму. Хаим чудом освободился. Ему посчастливилось даже несколько раз еще встретиться с любимой мамой. Но через два месяца, в августе 41 года в Двинске она была расстреляна в ходе массовой акции фашистов. Хаим в течение четырех лет скитания по гетто и различным концлагерям, в жесточайшей борьбе за выживание, в невероятных условиях писал дневник. Однажды все записи пропали.

Нацисты старались не оставлять свидетелей своих преступлений, а тем более, правдивые дневниковые записи. «Именно поэтому, — пишет Хаим Курицкий в своей книге «Выжить и рассказать», — росло во мне сильное желание уцелеть, вырваться из кровавых когтей этих зверей и документировать их злодействия против сынов моего народа». Хаим выжил. И он по крохам на своем родном идише восстановил события прошлого. Он начал возрождать свои пропавшие записи почти сразу же после освобождения в 1945 году. Призванный в ряды Красной армии, он все свое редкое свободное время проводил, восстанавливая дневник. Воспоминания в его памяти были еще настолько свежи, что писались они с невыносимой болью в душе. В 1971 году Хаим со своей семьей эмигрировал в Израиль. Дневник удалось вывезти, перехитрив бдительных таможенников. Копию дневника автор передал в «Яд Вашем». В 1992 году Хаим начал перевод дневника на иврит.

В 2012 году книга «Выжить и рассказать» вышла в Израиле на русском языке. Хаим Курицкий и его жена Хая любезно подарили редактору журнала «Судьбы Холокоста» Людмиле Барановской, в день ее 85-летия, этот дневник для русскоговорящего читателя. Сегодня мы публикуем некоторые главы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУТЬ МОИХ СТРАДАНИЙ В ТЮРЬМЕ ДВИНСКА МИНЬЯН

В это летнее утро, 29 июня (воскресенье) группа беженцев ночевала в семье крестьянина – латыша. Хозяева накормили всех завтраком, а потом сообщили, что немцы уже захватили весь район, включая Даугавпилс. Всюду расклеены указы новой власти.

«...указ предписывал всем взрослым евреям, от 16 до 60 лет...собраться на городской рыночной площади 29 июня в воскресенье, в 12 часов дня. Неподчинение приказу карается смертью. Выбора не было. Мы должны покинуть этих замечательных людей и идти на рыночную площадь. В дорогу хозяева снабдили нас солидным сухим пайком...
.....

Миньян (ивр. מִנְיָן) счёт, подсчёт число. В иудаизме – кворум из 10 человек взрослых мужчин, старше 13 лет, необходимый для общего богослужения и для ряда религиозных церемоний.

Прибыв на рыночную площадь...мы увидели, что вся она запружена евреями- конца края не видно — мужчинами и женщинами, некоторые с младенцами на руках, со стариками и стару-

Городская тюрьма Г. Двинска.
Съёмка 1966 года

хами... Вдруг услышали шум и хриплые голоса. Это были немецкие солдаты, одетые в зеленую форму с пришитыми к ней металлическими табличками, на которых написано: «С нами Бог». Чтобы не нарваться на побои и издевательства этих дикарей – нацистов, Хаим прощается с матерью и спешит перейти, куда велят немцы.

«Примерно час, показавшийся вечностью, нас быстрым бегом прогоняли, как стадо животных, по центральным улицам Даугавпилса. Улицы были огорожены колючей проволокой. Мы все время спотыкались об эту проволоку, падали, поднимались, снова падали... После чего ...нас загнали на огромный тюремный двор, располагавшийся в низине... Подняв глаза на дорогу, мы с ужасом обнаружили, что на ней, над нашими головами находится довольно большая группа немцев, вооруженных ручными и станковыми пулеметами.

Вдруг перед нашими глазами возник высокого роста немецкий офицер, который начал ругать и поносить еврейский народ. Вместе с потоком проклятий он бросил, что нам осталось жить всего несколько минут – время на последнюю молитву, — после чего все, как один, будут расстреляны. Душераздирающие рыдания, плач, стоны раздавались во дворе в течение этих минут: наши братья -евреи прощались с жизнью! Нам казалось, что эти три минуты делятся вечно. А в эти минуты немцы начали стрелять в воздух, чтобы запугать нас еще больше!

По прошествии этих ужасных минут офицер — изверг снова обратился к нам со следующим диким предложением:

— Если среди вас найдется миньян* из 10 евреев, готовых к тому, чтобы их расстреляли, остальные останутся в живых!

И вдруг из толпы евреев поднялся один – высоченный, худой, с желтоватой бородкой, обрамлявшей лицо (позже мы узнали, что он был городским судьей) – с поднятыми вверх руками. Тот час вслед за ним поднялось множество рук – все эти евреи были готовы идти на расстрел для того, чтобы их братья остались в живых!

«Я БУДУ СЛЕДУЮЩИМ»

«...мы узнали ужасную новость: на завтра немцы планируют уничтожить всех евреев, заключенных в тюрьме. Один из узников евреев, вернувшись с работы в городе, утверждал, что об этом шепнул ему, под очень большим секретом, один из немецких офицеров. Другой рассказал, что по приказу немцев он, вместе с большой группой евреев — заключенных, целый день копал длинную, глубокую и довольно широкую траншею позади тюрьмы. При этом немцы нещадно били их, в том числе и прикладами автоматов, погоняя, таким образом, так как был приказ закончить эту работу, как можно быстрее.

От евреев, которых в тот день не выгоняли на работу, мы... узнали, что днем немцы — охранники стреляли по окнам камер тюрьмы, когда кто-нибудь из узников пытался высунуться, взглянуть вниз. Таким сатанинским способом они убили инженера из Каунаса по фамилии Бас.

Все услышанное стучало в наших головах, жгло сердца и души. В эту ночь никто не сомневался: сон бежал от нас... Около 4-х утра. Светало. Минуты казались вечностью, напряжение и тревога росли... Вдруг перед нами возник какой-то согнутый перепуганный еврей, который рассказал, что видел своими глазами... как, немцы и латыши, вооруженные ружьями и пистолетами, вывели из нашего здания 21 человека, велели им построиться по трое, и колонна двинулась в направлении парка, что позади тюрьмы. Мы остолбенели... Через несколько минут оттуда, из парка послышались многочисленные частые выстрелы. Каждый вдруг осознал: «Я буду следующим»... Я побежал к окошку туалета, и теперь уже собственными глазами увидел новую партию евреев – заключенных, которых вели на расстрел... снова выстрелы.

Так началась ликвидация евреев – узников тюрьмы Даугавпилса... После того, как убийцы расчистили два нижних этажа, мы поняли, что теперь наступил наш черед проделать этот последний скорбный путь. Вдруг на лестнице послышались быстрые шаги. Дверь на третий этаж распахнулась с режущим слух скрипом. Возник высоченный гестаповец...

— «Все на улицу! Быстро!»...

Скотолили из нас колонну по трое, численностью в 21 человек. Мы подошли к железным воротам парка. Оттуда доносились выстрелы... Нам приказали остановиться. Я увидел четырех латышей в форме айзсаргов – тех, которые должны будут нас расстрелять. Они стояли напротив и ждали приказа приступить. Уже дважды выводили из нашей колонны по 4 человека. Выстрелы. На наших глазах они падали в яму. Вот- вот подойдет и наша очередь. На некоторое время акция прерывается: офицер — латыш,... отдающий приказы, вдруг скомандовал что-то по — латышски. Содержание приказа мне было не понятно, лишь одно слово: «атпакаль» удалось различить. И я понял его как «назад, обратно» (в литовском –«атгаль»). Точнее, мне очень хотелось понять его так...

Гетто г. Даинска

Остаткам нашей команды дали лопаты и велели ... быстро засыпать землей длинную яму, заполненную трупами наших расстрелянных братьев... В нескольких метрах от нас у забора стояли немецкие солдаты и гестаповцы. Они щелкали затворами фотоаппаратов и кинокамер, снимая весь процесс...

Выбрали двоих из нас, дали мешки с хлоркой, приказали спуститься в яму и посыпать трупы, часть расстрелянных все еще агонизировала, обнаруживая последние признаки жизни. Я бросал в могилу землю и песок лопатой за лопатой, а в мозгу билась лишь одна мысль: ЕСЛИ ТОЛЬКО УДАСТСЯ СПАСТИСЬ, Я ОБЯЗАН РАССКАЗАТЬ ОБО ВСЕМ, ЧТО ВИДЕЛИ МОИ ГЛАЗА...

Вокруг нас наступила гробовая тишина... В живых нас осталось только четверо из всей огромной группы евреев, которая 29 июня 1941 года была помещена в тюрьму города Двинска.

В полуденные часы мы видели через окно новую группу – еврейских женщин, шагавших вместе со своими детьми. Нам удалось даже перекинуться с ними парой фраз. Женщины были в основном из Литвы. Все они пытались уйти от фашистов в первые дни войны, но безуспешно. У российской границы они оказались легкой добычей для немцев, которые настигли и захватили их. Позже я узнал, что их было около 900 человек. Этих несчастных продержали целый день во дворе тюрьмы без еды и питья, а на рассвете следующего дня убили всех в районе «Желтых песков» (Двинск)»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ГЕТТО ДВИНСКА. «АКЦИИ»

После тюрьмы Хайма с остатками заключенных, а также с теми, кого полицаям удалось еще поймать, перенесли в гетто. Там, уже на территории гетто, он встретился с мамой, с которой был разлучен нацистами, когда их арестовали на дороге. Это было счастье, но оно продлилось не долго.

«Я стал описывать круги в огромной толпе евреев... думая, что мама уже, наверное, потеряла надежду увидеть меня в живых, ведь уже все знали, что случилось с теми, кто был в той тюрьме. Вдруг встретились наши глаза! Объятия, поцелуи, слезы счастья. От прилива чувств мы не могли говорить. Когда мы немного успокоились, мама взяла меня за руку и отвела «домой» — место, где она проживала в гетто. Она попала сюда всего за три дня до меня...

К ужасу, мне пришлось убедиться, что большинство существовало здесь в поистине нечеловеческих условиях... Во всех углах, даже в самых захолустных, во всех проходах, нишах и углублениях в дикой немыслимой тесноте... сидели и просто валялись отверженные, страдающие,

никому не нужные, ни на что не надеющиеся, потерявшее всякое желание бороться и выживать. Простившись с матерью и пожелав ей спокойной ночи, я пошёл искать себе место для ночлега среди мужчин.....

Всего немцы организовали три акции по уничтожению евреев гетто Двинска. Первая акция — вечером 29 июня.

На рассвете около 500 женщин, старииков и больных расстреляли в лесах Погулянки, на расстоянии 6-7 км. от гетто, за крепостью, справа от шоссе.

Вторая акция произошла второго августа после полудня.

Немцы и в тот раз воспользовались той же уловкой, которую придумали в первую акцию, когда пообещали жертвам перевести их в другое место, где не будет такой тесноты.

Для пущей убедительности, они разрешили ... взять с собой все, что люди принесли из дома в гетто... Несколько тысяч обманутых... были уничтожены в этой... ловушке. Уцелел всего один доктор Гурвич. Он и рассказал все впоследствии: «Обманутые люди впадали в панику, когда на них со всех сторон обрушились автоматные очереди. Жертвы падали в приготовленную заранее яму... Полумертвых нацисты тоже сталкивали в яму. Я видел, как поднимается земля, которой засыпали раненых.... Некоторые мужчины, физически и духовно сильные, от полного отчаяния набросились на убийц и до того, как их успели застрелить, задушили убийц и потянули их за собой в яму. Таких оказалось несколько десятков, мужественных героев, истекающих кровью».

Третья акция была проведена в два этапа.

Накануне подходят к нам двое немецких солдат. Спрашивают. Не плотники ли мы. «Конечно!» Они выводят нас с другом Барухом Квиль, юношой 17-ти лет, с которым я познакомился в гетто, на высокий ровный участок между Двиной и гетто. Мы видим палатку, где размещаются солдаты, а слева от палатки — довольно большая группа евреев: женщины, мужчины среднего возраста, даже ребенок 3-4 лет, вместе с матерью. Они не выполняют никакой работы, абсолютно ничего не делают... Эти немецкие солдаты делают удивительную для столь ужасного и жестокого периода вещь: пытаются спасти евреев, рискуя при этом своими жизнями!!!

Выполнив заданную работу, поев то, что дали немцы, Хаим и его друг поговорили с теми, кого они видели возле палатки, и выяснили, что их вывели из гетто еще вчера эти солдаты, узнав о предстоявшей акции.

Около трех пополудни началась «акция», закончившаяся примерно в полночь.

Очень рано я покинул палатку, сердечно поблагодарив наших спасителей, немецких солдат, и бегом пустился в гетто..... Туда я вошел не через центральные ворота, а направился прямо в комнату, где жила мама вместе с другими женщинами... по их окаменевшим лицам я понял, что маму уже искать не нужно: ее больше нет...Маме показалось, что слева в огромной толпе несчастных отобранных для уничтожения, нахожусь и я. Тогда она присоединилась к ним, говоря: «Если моему сыну Хаиму не суждено жить дальше, мне тоже нет смысла продолжать это»... В тот момент я не знал, что со мной творится, как я смогу продолжать жить, когда потеряно самое дорогое, и так трагично! Бедная моя мама, как день за днем ты преданно обо мне заботилась, здесь и в продолжение всей моей жизни, до самого твоего горького конца.

Продолжение этой акции началось около трех часов.

Проходила она так же, как и предыдущие: все обитатели гетто получили приказ выйти на улицу и построиться. Началась проверка, а с ней приказы: кому «налево», кому «направо». Кая-то незнакомая рыжая молодая девушка... прошептала: «Стой рядом, я скажу, что ты — мой брат». В руке она сжимала заветный документ — «Шайн» — право на работу, а значит, на жизнь... Так во второй раз за двое суток была спасена моя жизнь.

ЛИКВИДАЦИЯ ГЕТТО ДВИНСКА

Было решено уничтожить абсолютно всех жителей гетто, включая еврейских полицейских. Всех, кто еще не был убит, немцы вывезли на грузовиках в леса Погулянки и там расстреляли. Так трагически закончили свое существование: большая цветущая община Двинска, общинны местечек, что были расположены вокруг города, а так же погибли еврейские беженцы из Литвы и Польши. Вне стен гетто, в разных частях города и в Крепости еще оставалось в живых около 400 евреев, мужчин и женщин. Среди них — несколько молодых людей и всего один ребенок: мальчик четырех лет по имени Михеле, сын Шнеура и Нехамы Алцофен. Я работал в городе. Продолжительность проживания «на этом свете» целиком и полностью зависела от нашей «полезности нуждам немецкой армии».....

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. МОЕ ПРЕБЫВАНИЕ В КРЕПОСТИ ДВИНСКА. ПОБЕГ

О положении на фронтах я узнавал из немецких и латышских газет, которые с огромным риском для жизни покупал в киосках. О Катастрофе же Европейского еврейства мне не было известно. Я знал только, что почти все евреи Литвы и Латвии уничтожены. В апреле 43 года из разговоров немецких солдат мне стало известно о восстании в Варшавском гетто, а так же о том, что немцы построили в Польше лагеря уничтожения, предназначенные для физической ликвидации евреев Европы в газовых камерах и крематориях. Также я узнал, что гетто для евреев были устроены в Вильнюсе, Каунасе, Шауляе. Я слышал о многочисленных попытках победов евреев. Почти все они заканчивались арестами беглецов и казнями. Однажды и я попытался воспользоваться создавшимся, казалось бы, благоприятным, случаем. Латыши — полицаи... ворвались во двор, громко крича. Раздалось несколько выстрелов, поднялась паника. Мы решили разбегаться в разные стороны. Я «рванул» в сторону кирпичной перегородки с осколками стекла наверху с намерением перескакнуть через неё. С первой же попытки мне это удалось. Руки были залиты кровью, но я не обращал внимания. В кромешной темноте я искал укрытия во дворике, в котором оказался... Быстро нашел пустой ящик из-под краски, набросил его на себя и так сидел скрюченный, напряженный, ожидая дальнейших событий. Прошло совсем немногого времени, когда один из латышей — полицаев, пнув ящик ногой, обнаружил меня.... Он приказал следовать за ним. Мы пришли обратно в наш двор, где уже выстроились все евреи... Я присоединился к ним... В то холодное утро мы так и стояли долгие часы в напряженном ожидании, пока часть полицаев «выковыривала» все новых и новых беглецов из их убежищ и присоединяла их к нашей колонне. Начал накрапывать дождь. Мы, наконец, тронулись в путь, на выход из Крепости... Весь день до самого вечера мыостояли около железнодорожных путей. Все время лил дождь. Небеса были мрачными, как наши души. Можно было представить, сколько было передумано и пережито за этот день! Одно из размышлений было о том, что нас куда-то повезут. Если бы нас хотели умертвить, они бы могли это сделать... в лесу... Может быть, мы еще им нужны для работы?

... Может быть...

Продолжение в следующем номере журнала.

Ширится битва, и пламя пылает.

Факелом люди — на танк.

Гетто горит, и огонь поглощает

Всплески последних атак.

Когда догорело Варшавское гетто,

Встали в почетном строю

Чёрные трубы, как люди,

над светом,

Славя всех павших в бою.

И если кому-то покажется где-то,

Что слаб наш еврейский народ,

Напомним ему о восстании в гетто.

И враг это тоже поймет.

Хаим Курицкий.

Перевод с идиш С. Шумахер

ПОД НОМЕРОМ 8 294 695

Гвардии-капитан Исаак Левелев
в годы войны.

Это рассказ о Левеле Исааке, пусть будет благословенна память его. С портрета смотрит на нас молодой, красивый черноволосый мужчина. Внимательные темные глаза, чуть грустный взгляд, густые брови. Вроде бы, вовсе и не еврейский нос, и губы тонко сжаты. Наверное, будь он в простой гражданской одежде, и взгляд был бы повеселее, и губы не так упрямо без улыбки собраны. Но — не судьба! «С 1941 года по 1945 год я был на 7 фронтах» — пишет о себе Исаак. Приглядевшись, боль в глазах. Исаак тот самый еврей, который защищал Родину. И которому есть, что рассказать людям.

Много лет в мире — и что самое чудовищное по своей несправедливости — в Советском Союзе — господствовала антисемитская легенда о трусости евреев, что они не умеют воевать, что во время ВОВ евреи отсиживались в тылу. Стереотипы трусливого еврея кочевали по республикам Союза, проникали в политические речи нечистоплотных деятелей государства, в художественную литературу, в фольклор разных народов и в представления оболваненных этой легендой обывателей. Позорное отношение к памяти евреев, сражавшихся с фашизмом — лживая версия, о том, что они якобы не участвовали в боях Отечественной войны, имеет свои корни. 3 декабря 1941 года Сталин недвусмысленно положил этому прочную основу, заявив Сикорскому (главе Польского эмигрантского правительства) на весь мир: «Евреи — неполноценные солдаты. Да, евреи — плохие солдаты».

В марте 1943 года Илья Эренбург (на Пленуме еврейского антифашистского комитета) публично высказал озабоченность еврейского общества в связи с рождением этой несправедливой пропагандистской ложью: «Вы все, наверное, слышали о евреях, которых «не видно на передовой». Многие из тех, кто воевал, не чувствовали до определённого времени, что они евреи. Они это почувствовали лишь тогда, когда стали получать от эвакуированных в тыл родных и близких письма, в которых выражалось недоумение по поводу распространяющихся разговоров о том, что евреев не видно на фронте, что евреи не воюют. И вот, еврейского бойца, прочитывающего такие письма в блиндаже или в окопе, охватывает беспокойство не за себя, а за своих родных, которые несут незаслуженные обиды и оскорбления. Мы обязаны рассказать о том, как евреи воюют на фронте... Нужны живые рассказы, живые портреты... Необходимо рассказать правду, чистую правду»

И только публикации 1990-х — 2000-х годов с помощью беспристрастного языка цифр положили, наконец, начало развенчанию гнусных антисемитских наветов: без малого, полмиллиона евреев воевали на всех фронтах О. В. И 250.000 из них отдали свою жизнь в этой войне. И еще

тысячи сражались в партизанских отрядах в оккупированных странах. Многие из них погибли. А те, кто остался в живых, высоко несут звания участников ВОВ. И не желают молчать, потакая нет- нет да опять возникают зловонные течения антисемитской лжи.

Гвардии-капитан Исаак Левелев освобождал в феврале 1943 года концлагерь «Бреслау» возле Кёнигсберга: «Тысячи трупов! Их сжигали фашисты в двух местах, в Гросенхайм и в Гросенрозен, — писал позже воин о своих страшных воспоминаниях. (Заметьте! Какие поэтические названия!) Это были крематории, о которых мир еще не знал. Видевший виды офицер, прошедший к тому времени уже немало сумасшедших, гибких дорог войны, был настолько поражен увиденным, что тут же выложил все на бумагу. Получилась статья, раздирающая душу своей ужасной правдой, статья обо всем, что оставили после себя враги. Исаак знал, с каким жестоким врагом приходится воевать его стране и всему миру, но то, что он увидел в концлагере настолько не вязалось с представлением капитана о человеческом облике вообще, что он понял: только очевидец может с трудом поверить, будто человеческая особь на двух ногах, в здравом уме и хоть с какой-то душой, способна сотворить этот ужас. Поэтому он попросил военного врача, который был в подразделении, освобождавшем этот лагерь, тоже поставить подпись под этой статьей. Подпись профессионала, медика, должна была удостоверить, что это не выдумка воспаленного мозга уставшего в боях офицера. Это — чудовищная правда. Исаак Левелев озаглавил статью «В лагере рабов» и отоспал ее в свою газету «Знамя гвардейцев». Вскоре эта статья была передана писателю К. Симонову, который опубликовал ее в газете «КРАСНОЕ ЗНАМЯ».

После войны, когда пенсионер Левелев посетил в Израиле Иерусалимский музей Яд ва Шем, он зарегистрировал эту свою статью, свидетельствующую о зверствах Холокоста, под номером 8 294 695. Поразительная цифра! Только она одна, причем, далеко уже не последняя в огромном музейном архиве свидетельств очевидцев, способна с непререкаемой легкостью опровергнуть все твердокаменные ухищрения тех, кто нагло, вопреки документам, простой логике фактов и цифр смеет отрицать Холокост.

Задолго до этого, 13 сентября 1941 года, чуть меньше двух месяцев после начала войны, молодой «гвардии — капитан Исаак Левелев, — по его собственноручно написанным воспоминаниям о днях сражений на фронтах ВОВ, — получил в штабе личное назначение от генерала Жукова Георгия Константиновича принять командование на Пулковских высотах под г. Ленинградом и возглавить оборону города» «В моем распоряжении, — пишет автор, — была тысяча солдат. Я запомнил имена солдат, которые были рядом со мной: Яков Сухотин и солдат по фамилии Коган. Приказ был выполнен, но сотни бойцов остались лежать на поле боя. Я был тяжело ранен и отправлен в госпиталь». С прямотой честного вояки, испытавшего, что это значит — смертельный огонь врага, и без лите-

Мир истерзанный,
мир победивший
Был очищен от чёрной чумы.
Все народы считали
погибших...
Уцелевших
считали лишь мы.

ГЕРОИЗМ

По поручению правительства Российской Федерации, полковник Субботин П.И. вручил (посмертно) награду сыну инвалида войны, гвардии капитана Исаака Левелева - Майклу Лев.

Духу евреев присущи геройство и отвага, доходившие до изумительного бесстрашья. Евреи и в нынешнем своем положении не раз оказывали замечательную преданность государствам, в которых они считают себя согражданами.

Лесков Николай, писатель (1831 — 1895). ...

турных притязаний Исаак с горечью рассказывает об эпизоде, который, возможно, ни в одной военной сводке не отражён, но который явственно раскрывает сиюю правду того времени: «Генеральный Секретарь ЦК Партии Жданов прислал двух собак против танков. Но они не были обучены, голодные — и не собирались идти под танки». Не без гордости вспоминает Исаак еще одну деталь военного времени: «Конной дивизией Буденного...» (между прочим!) «...уже командовал еврей! Генерал Доватор». И это не важно, что еврейство Доватора не подтверждает современная википедия. Черном по белому: «белорус». Не важно, даже если капитан ошибся и википедия права! Ведь это тот самый душевный отклик еврейского офицера, о котором так просто и трагично говорил И. Эренбург. Этим, вскользь написанным замечанием Исаак невольно приоткрыл душевную рану — обиду и протест в ответ на позорную ложь о евреях в стране, которую он защищал какое-то время, воюя рядом с прославленным Доватором. Ведь этот отчаянный герой за две недели молниеносного броска своей кавалерией по бездорожным лесисто-болотистым районам Смоленщины уничтожил свыше 2500 вражеских солдат и офицеров, 9 танков, более 200 машин, несколько военных складов. Были захвачены многочисленные трофеи, которые пошли на вооружение партизанских отрядов. Гитлеровское командование назначило за голову Доватора крупную денежную награду, а командование Красной Армии присвоило Л. М. Доватору воинское звания «генерал-майор». Исаак! Были, были в Красной Армии боевые генералы — евреи. Только ты узнал об этом много позже. 305 боевых генералов и адмиралов! 38 из них погибли на полях сражения. И это лишний раз подтверждает, что евреи были не только объектом истребления, проводимого нацистской Германией и её союзниками, но и активными действиями, повлиявшими на ход и результат войны. Особенность борьбы против нацистов состояла для евреев в том, что они боролись против собственного тотального уничтожения.

Вторая мировая война — крупнейшая война в мировой истории, в ней участвовали 72 государства и свыше 80% населения земного шара, военные действия охватили территории 40 государств. Наш герой участвовал в разгроме 5-ой Итальянской Армии. «Пять дивизий. 50 000 человек», — пишет Левелев. Он не вдается в подробное описание боев, эпизодов сражений, хотя есть, что рассказать. Такое не забывается! Помнится каждый бой, каждое поражение и каждая победа: «Мы шли на помощь правому флангу Сталинграда. Во время этого боя прямым попаданием снаряда в штабной блиндаж был убит мой друг полковник Солдатенков, — об этом, Исаак считает, нельзя не написать, это важнее всего. Об этом и пи-

шет. А еще вот о чем, — окрыленные победой, мы быстро продвигались вперед... И попали в засаду на станции Лузовая» Кто знает этот населенный пункт? Кому это слово хоть о чем-то говорит? Конечно, их миллионы этих маленьких неизвестных, а то и вовсе безымянных станций, полустанков, высоток, деревень... Но разве забудешь об этой, единственной, если: «Приняли бой. И вышли оттуда с потерей в 400 человек» И как не написать, не вспомнить не поклониться погибшим! Совсем несколько слов о майоре Гольцикере: «Еще с разгрома Итальянской дивизии он был начальником артснабжения. А потом в составе Первого Украинского фронта вместе со мной дошел до конца войны в Праге 18 мая. — Пауза. И горькое добавление, о котором нельзя промолчать, даже, если говоришь о таком радостном событии, как конец воны, — там, в Праге полегла смертью храбрых почти вся наша дивизия: осталось 200 человек из 12 000» Говоря о семи тяжелых фронтах, словно код, который он предлагаешь нам расшифровать, и использовать, написал Исаак в своих воспоминаниях еще одну короткую, словно без конца и без начала, загадочную фразу: «Но самый тяжелый фронт оказался арабо — израильский». Не о своем фронте он сказал. Его закончились в 45-ом! Нам говорил. Что хотел он сказать нам этой фразой? О чем предостерегал этот мудрый человек, с усталыми, умными глазами? Об этом надо еще крепко подумать. Главное — не забывать этих слов. И не отмахиваться от них, не надеяться на чудо, на чью-нибудь помощь. Самим! Пока молодые, пока есть, кого расспросить, выслушать, а потом принять решение. Не зря последний рассказ Исаака заканчивается так неожиданно, словно он возвращается к началу:

«Летом 1947 года я оказался на Невском проспекте. В голове гудели роем мысли: «Я дома! Я — живой!» Тысячи смертей и море крови... Ведь и вправду: море крови! «Добро и зло», «Жизнь и смерть» — все видел, все испытал на семи фронтах. На семи ветрах войны. Однополчане, которых знал, когда и не узнавал. И тех, кого никогда и не забывал. Семен Зеркин! Вспомнили, как еще в самом начале войны в боевом отряде капитана Лебедева ...наш отряд оказался на поляне, окруженней немецкими пулеметчиками. Град огня, свист пули, атаки. Жаркий бой. Все огневые точки врага подавлены. Все немцы на поляне — уничтожены. Мы вернулись истощенные, голодные — в свой город! Радость! Но город уже осажден. Город — не наш» Это было начало. А конца — нет. Как нет конца памяти, если ее берегут и передают из поколения в поколение, от деда — к отцу, от отца, к сыну, от сына — к внуку.

P. S. Не даром же сын гвардии — капитана Исаака Левелева однажды получил от отца наказ — завещание рассказать обо всем людям. Сын обещал. И выполнил завет.

МАЙКЛ ЛЕВ

«МАЙН ШТЭТЕЛЕ»

МЕСТЕЧКО МОЕ, ЗАГНИТКОВ

Мне лично, надо сказать, “повезло”, поскольку величайшая беда — война — хотя и коснулась меня своим “чёрным крылом” (гибель отца, матери, сестры, дедушки, бабушки) меня она не уничтожила даже после 4-х ранений. И, казалось бы, к чему мудрить и философствовать? Разве мало, что я жив, дожил своей семьей до пожилого возраста. Но так уж, видно, устроен человек, что ему почему-то обязательно надо, особенно на склоне лет, что-то из своей жизни вспомнить, понять, осмыслить. Для того нам и даны разум и память. Дочь моя написала однажды стихотворение «КТО — Я?» И я решил написать свои воспоминания, ответить на вопрос Тамары, кто она. Все мои близкие предки, которых я помню, были работающие мастера: кузнецы и столяры. В таком маленьком местечке, где-то домов 100 — 120 еврейских семей, и в середине был центр украинского села Загнитков Кодымского р-на Одесской области. Вокруг было огромное село, где-то около 3 000 дворов и до 15 000 жителей. Село по старому царскому обычаю делилось на сотки. Во главе был сотский. “Сотни” делились на “десятки” во главе с “десятками”. Было условно 12 “сотен” (а 13-ым называли в шутку — кладбище). Село красивое, огромное, зелёное, везде фруктовые сады, виноградники. В четвертой сотне, в центре села, не было садов, там, где жили евреи, а были одиночные деревья, чаще — белая акация. В селе до революции был сахарный завод и спиртзавод. Сахарный в гражданскую войну взорвали бандиты, его не восстановили, а спиртзавод остался и работал при моей памяти почти до самой Отечественной войны. Он был взорван нашими отступающими войсками и тоже после войны не восстановлен. Стоял он, как у нас говорили, в “яру”. Это была огромная долина гор, отрогов Карпат, тянулась долина до самого Днестра у села Валядинка (это уже была Молдавия) — всего несколько километров. В долине текла речушка, было несколько водоисточников, где вода била из-под земли, из под гор, вода очень вкусная и холодная. Была запруда, так как вода была нужна заводу. У одного источника односельчане выложили из камня место для стирки белья, чаще — для полоскания. На северной окраине села был так называемый “двор”. Это были оставшиеся с дореволюционного времени неплохие дворцы бывших польских помещиков — отпрывков графа Потоцкого. Рядом был, тоже дореволюционный, парк. Дорожки выстланы камнем. Дома строили из этого камня и из дерева, только остов деревянный, затем вальками из глины и соломы обмазывали с обеих сторон. Но заборы везде были выложены из белого известняка. До Винницы было столько же, сколько до Одессы. Но население больше имело связь с Одессой, с приморским городом. Особенно — местечковые жители, так как Одесса славилась многочисленным населением евреев. Позже я поехал учиться в Одессу, а не в Винницу. В бывших помещичьих домах были — в одном доме медамбулатория во главе с фельдшером старой царской армии Шаргородским. (других не было, огромное село и местечко пользовались его не очень большими знаниями медицины) в другом — была школа. Позже построили новую двухэтажную школу, в которой я успел поучиться с 5-го по 7 классы. Тогда её называли Ш. К. М -школа колхозной молодёжи, неполная средняя, до 7 класса. На нашем спиртзаводе работало много рабочих и из села, и из местечка, евреи. Среди украинских крестьян были и крепкие кулаки — богачи и середняки, и беднота. Среди евреев были рабочие спиртзавода, служащие

Ефим Кримонт .
Фото снято за 2 дня до начала ВОВ

«МАЙН ШТЕЛЕ»

спиртзавода (мастера, бухгалтеры), были торговцы, имели частные небольшие магазины (пока НЭП разрешал). И в госмагазинах тоже работали евреи, а остальные были: кузнецы, столяры, кузнецы, часовщики, портные, сапожники, парикмахеры, мясники, лесник. Были две частные маслобойки (из подсолнухов и конопляных семян делали масло) Кацшаненко и Гамбург. При спиртзаводе был скотооткормочный пункт несколько сот крупнорогатого скота.

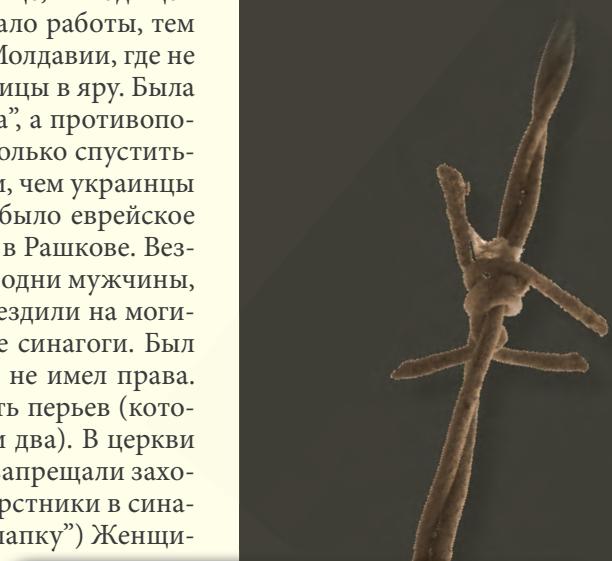
Мой отец женился на матери в 1918 году. Дома своего не было, жили у чужих людей. Потом отец купил дом, но полуразрушенный, нуждающийся в капитальном ремонте. Напротив дома, через дорогу — большое каменное здание маслобойки Гамбурга. Это здание маслобойки врезалось в мою память с детства. Там на нижнем этаже лошади тянули привод для агрегатов по обработке семян на масло: "драк", "вальцы"... Для нас, мальчишкой, не было большего удовольствия, чем в обеденный перерыв, когда выпускали лошадей, садиться верхом и ехать к колодцу на водопой. Так я с детства умел ездить верхом, конечно, без седла.

В середине местечка было красивое здание сельсовета (до революции — волости) с "холодной", как полагалось, для "отсидки". Рядом с сельсоветом — дома двух братьев моей матери: Гамарника Виктора, потомственного кузнеца, и Гамарника Левы (Лейб), который сначала был портным.

Ближе к центру местечка была вторая маслобойка, на улице, выходящей к бывшей корчме, на задворках. В обеих маслобойках хватало работы, тем более, что туда приезжали и из ближайших сел Украины и Молдавии, где не было своих маслобоен. Были в селе простые водяные мельницы в яру. Была слобода, Полёвка, (через поле) — за яром, в сторону "Двора", а противоположно... кладбище. А там уже недалеко была река Днестр, только спуститься с горы в местечко Рашков, где, кстати, жили больше евреи, чем украинцы и молдаване (это была тогда уже Молдавская АССР). Там было еврейское кладбище. У нас в местечке его не было, и хоронили евреев в Рашкове. Везли на подводе без гроба, в саване, покрыв накидкой. Ездили одни мужчины, женщине по религии не полагалось хоронить. (Они позже ездили на могилу). Была в селе одна церковь и на маленьком местечко две синагоги. Был свой "резник" — резать птицу самому правоверный еврей не имел права. Это делал резник с молитвой. Брал маленькую плату и часть перьев (которую потом продавал на подушки). Был и раввин (один или два). В церкви — поп диакон, хор и пр. Нам, мальчишкам разной веры, не запрещали заходить в церковь (только "сними шапку"), заходили и мои сверстники в синагогу (но тут просил шалис — служка синагоги — "Надень шапку") Женщины молились (по праздникам) отдельно от мужчин, как бы на втором этаже, со стеклами в окне, выходящем в общий зал синагоги, где молились мужчины, сидя на скамейках.

Вокруг села были леса со всех сторон. В лес часто ходили. Но евреи — не увлекались грибами, охотой, рыбалкой, ягодами. Это был удел украинцев. У нас в селе люди одевались как-то особенно, по-нашенному, не как в других сёлах района. Сказывалась близость Молдавии и помещиков — поляков до революции. Были сарафаны очень широкие,...украинские рубахи..., полупальто — скуртейка, платки головные у женщин. Зимой — у мужчин шапка баранья, чёрная или серого каракуля (для молодёжи) по типу молдавских. У мужчин обычно — брюки, но рубахи до войны в основном — льняные из домашнего льна. Обувь у мужчин — сапоги... (даже летом), у женщин — туфли, полусапожки на шнурках. Всё шили наши евреи сапожники.

Был в селе оркестр духовой, любительский. Его приглашали на все свадьбы, украинские и еврейские, и, конечно, они знали все еврейские танцы и музыку при сопровождении жениха и невесты на венчание — к синагоге и т. д. Местечко было небольшое, и все

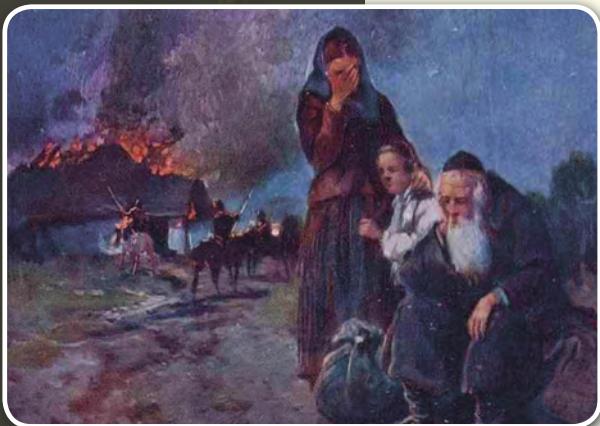
«МАЙН ШТЭТЕЛЕ»

почти между собой были родственники, т.к. были один — два богача еврея, которые могли везти дочке жениха или сыну невесту с Бердичева или из близлежащих местечек Молдавии: Рашков, Каменка, Рыбница. Остальные находили себе пару в местечке. Так что в случае свадьбы почти всё местечко — были гости. Делали в удобном месте шалаш из брезентов, ставили столы, место для танцев, для музыкантов. Свадьбы были 2 -3 дня. Пили спиртное, кто умеренно, кто, “как сапожник”. Отца своего я в жизни не видел пьяным. Еда была чисто национальной: рыба..., птица, бульон, салаты, печенье, кекс и струдль по порциям..... Веселье было большое. И танцы больше еврейские: “шер”, “болгарский”, украинская полька, краковяк, всякие вальсы, “семь сорок” и т. д. Красив был обряд наряжания невесты и напутствие ей песнями, как жить замужней. Я помню умные народные слова, музыка Батхета..., мол, запомни, невеста, что, может, муж твой не всегда сумеет дать тебе материально всё, что хочешь, умей довольствоваться малым. И все кончалось веселым танцем “фрэйлекс”.

Еще была одна примечательная фигура в местечке Загнитков — аптекарь Хаим. До революции и при НЭПе аптека была его собственностью, знал он свое дело отлично по тому времени, аптека была обставлена специальной мебелью, оборудованием с латинскими названиями, что для села и местечка было удивлением и счастьем, т. к. я писал, что до революции у нас в огромном селе и местечке не было врача, только старый ротный фельдшер, а Хаим- аптекарь знал больше фельдшера в медикаментах и их применении, и к нему часто обращались жители села и местечка, и он им помогал, чем мог. Позже аптека Хаима стала государственной, а Хаим — аптекарь работал в ней столь же добросовестно, получая ставку фармацевта. Особое место занимал и мясник. И не потому, что мяса не было, а у него можно было как -то достать. Нет! Мяса было много. Но не все евреи, особенно беднота и мастеровые люди, могли позволить себе ежедневно кушать мясо. Могли себе среди недели позволить скушать бульон с мясом, скажем, в среду. И то было мало мяса, а больше фасоли. И затем, конечно, с недельного заработка откладывалось на ужин на пятницу и на субботний обед — еврейский выходной день.

У кого был гусь, у кого — кусок петуха, а у кого — и суп с клёцками и фасолью, и молоко с галушками из кукурузной муки. Был один богач на всё местечко — Лейб Шлаин. Это был арендатор земель (при царизме еврею нельзя было арендовать земли, он это делал под фамилией украинских хозяев, конечно, не безвозмездно) Если дома в местечке в основном были неказистые, крытые соломой, реже гонтой, при чём, всё это прекрасно горело, и часто, то дом Лейба Шлаина был каменный, высокий, крытый железом. Дверь — высокая и всегда закрытая — почти для всех. Мой дед (по отцу) Золмин, столяр- стекольщик имел иногда доступ в этот дом, когда он был там нужен как мастер. Однажды и я попал с дедом в этот дом. Удивили меня ковры (дед говорил — из самой Персии) и невиданная нигде у нас полированная мебель, сервант с красивой посудой, на веранде разноцветные стёклa. Мебель была и у деда Золмина дома, и у нас. Но это дедушка и мой отец как хорошие столяры делали её сами кустарно. Это были софы (с сундуками для вещей), деревянные кровати, шкафы, столы с точеными ножками и тоже покрытые лаком, политурой, но это была всё -таки кустарная, а не фабричная мебель, как у Лейба Шлаина.

МОЙ ДЕДУШКА ЗОЛМИН КРИМОНТ запомнился мне с детства уже немолодым, с бородкой, энергичным, подвижным, быстрым в столярной

работе. Говорили, якобы, он приехал молодым из большого местечка нашей области — Чежиник. Там было украинцев мало, евреев больше, и не было заработков столяру, сыну столяра. Тут он и женился на бабушке Тубе (переводится как — голубка), тогда молодой и красивой. Имели свой небольшой домик, где все окна, двери, полы постепенно годами делались самими дедушкой и его двумя сыновьями, тоже столярами — моим отцом Вигдором и его братом Яковом.

Дедушка умел не только столярничать, но и плотничать, и быть стекольщиком, и делать неплохую мебель. Работал он дома — верстак на веранде. Без наёмного труда со стороны. Была у них семья: кроме двух сыновей, еще и 6 дочерей — мои тётки. Такие большие семьи в местечке были почти у большинства евреев. Мой дед Золмин пользовался в селе непрекаемым авторитетом. Он никому ни в чём не отказывал — ни рано утром, ни вечером. Село огромное, там кто-то выбил окно, там что-то сломалось, и дед не мешкая и не торопясь, брал инструмент и ящичек со стеклом, стеклорез, завернутый аккуратно в тряпку, в кармане, и шёл пешком несколько километров — на дом. Знал он всё село, где кто живёт, и чаще не по фамилии, а по «прозвищу». Украинский он знал хорошо. Любили его и за готовность помочь всем, и за то, что он много не заламывал за работу. Часто у крестьян не было денег, чтобы заплатить за работу, но его никто не отпускал без оплаты. Все украинцы знали, что евреями можно кушать, чего нельзя по их законам религиозным (а дед был верующим), давали ему яйца, кукурузной муки, фасоль, орехи, фрукты, овощи, у кого что было, смотря по объёму работы. Когда отцу моему исполнилось 13 лет (а позже и дяде Яше), каждый из них прошел еврейский религиозный обряд совершеннолетия. На руки, лоб, накладывали на ремнях кубики (тфилин), где лежали записи молитв на иврите. А раз совершеннолетие — становились к станку. Так стали столярами, плотниками, мебельщиками, стекольщиками мой отец Вигдор и дядя Яша. Дед был верующим. Утром, вставая, омывал руки с молитвой, перед едой то же самое. В пятницу после обеда и в субботу не работал, даже по срочному заказу за высокую плату не делал. Читал молитвы, читал книги, чаще Шолом Алейхема. Ходил в синагогу в пятницу вечером, а в воскресенье приступал к работе. Когда создали еврейскую область в Биробиджане и приглашали евреев ехать туда или в Джанкой (Крым) на освоение степей маловодного Крыма, он сказал, что свою Украину не покинет.

БАБУШКА ТУБА, его жена с детства запомнилась мне тихой, доброй, больной, тяжело больной частыми приступами бронхиальной астмы. 8 детей просили кушать, а часто было и так, что одна селёдка на 10 человек и мамалыга (пустая каша из кукурузной муки, молдавское блюдо), а вместо хлеба — малай (тоже молдавское слово, то есть хлеб — смесь ржаной и кукурузной муки. Свежий, теплый, он был вкусный, но быстро черствел и лез в горло только от голода). Была и картошка, были и хорошие дни, когда заработки большие: полностью сделать хозяину все столярные работы по новому дому из досок хозяина, а руки — мастеров Золмина и сыновей. Тут уже действовала договоренность устная, кормили их хозяева с учетом религиозных запретов, но хорошо. Мастера не пили и не курили во время работы. (стружка!) После работы полагался магарыч. Конечно, «казенки» не было, был самогон, но — после работы. Вставали с петухами, ложились, когда уже ничего не видно. Электричества не было.....

Продолжение следует в №8

МЕМОРИАЛЫ

Isroi.info

В Софии перед зданием Народного собрания прошла церемония открытия мемориального знака в память жертв Холокоста и 11 343 евреев из Северной Греции и Югославии, погибших в концентрационных лагерях в годы Второй мировой войны. Мероприятие было посвящено 70-летию спасения болгарских евреев.

В церемонии участвовали: мэр Софии Йорданка Фандыкова, председатель Организации евреев в Болгарии «Шалом» доктор Максим

Бенвенисти, посол Израиля в Болгарии Шауль Камиса Рас. К мемориалу положили цветы председатель Народного собрания Болгарии Цецка Цачева и ее заместитель Георгий Пиринский, представители Совета министров и дипкорпуса в Софии, в т.ч. послы Греции, России и США.

Мероприятие продолжилось в Софийской синагоге, в ходе которого президент Росен Плевнелиев вручил награду «Шофор» мэрам городов, жители которых внесли большой вклад в спасение евреев от концлагерей. В церемонии открытия мемориального знака приняли участие мэр Софии Йорданка Фандыкова и другие официальные лица. Фото: БГНЕС.

МЕМОРИАЛ «ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА» В АФРИКЕ

ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА В МАЙАМИ

Мемориал Холокост (Holocaust Memorial), - архитектурный ансамбль, созданный американским художником и скульптором Кеннетом Трейстером. Построен на деньги семейства Ротшильдов.

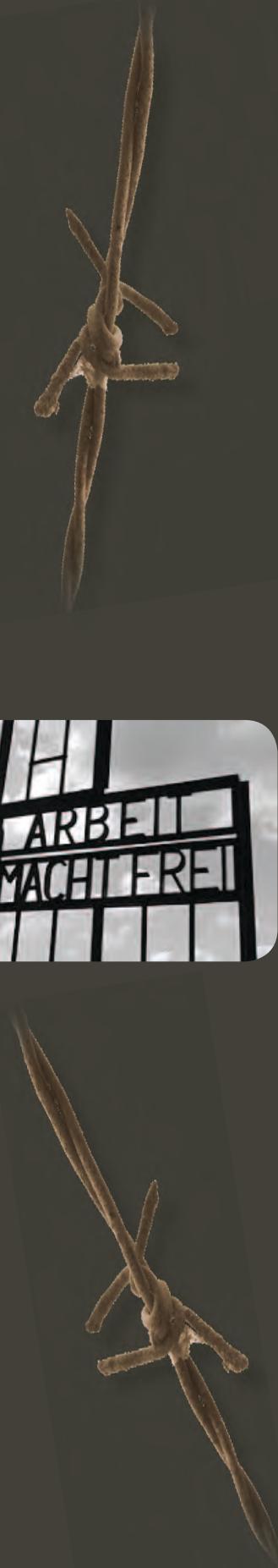
В 1984 году граждане Майами, выжившие в концлагерях (Джордж Голдблум, Норман Браман, Эйб Резник, Дэвид Шехтер и др.), организовали комитет и поручили архитектору Кеннету Трейстеру создать постоянно действующий Мемориал памяти 6 млн евреев, погибших в период с 1933-1945 гг. Обдумывая проект, скульптор 3 раза посетил Иерусалим. Строительство Мемориала было утверждено, городские власти подарили участок земли, и началась работа. В строительстве, как символ святой земли, был использован знаменитый иерусалимский камень, привезенный в Америку семьей Мизрахи, множество поколений которой занимается в Израиле разработкой каменоломен. Дерево, применяемое в строительстве - знаменитое «железное дерево», привезенное из Суринама, устанавливали мастера из Индии, знающие древние секреты обработки этого непростого материала. Монтировали плиты и все, что окружает сам Монумент - мусульмане, палестинские арабы. Скульптор работал в основном в Мексике, где 45 рабочих под его руководством собирали и устанавливали 130 фигур, выполненных в натуральную величину. Когда все основные компоненты были собраны, скульптура, состоящая из 5-ти огромных частей, начала долгий путь из Мексики через Техас, Луизиану и Флориду к своему дому в Майами-Бич. Сборка компонентов и установка заняла около 2-х месяцев. Прошло около 5-ти лет и 4 февраля 1990 года памятник открыли.

ЭТО ПАМЯТНИК КАРЛУ ЛУТЦУ (Венгрия, Будапешт) швейцарскому консулу в Будапеште (с 1942 по 1945 год) (Carl Lutz) представляет собой ангела, спасающего еврея. Лутц помогал евреям скрываться от нацистов. Благодаря Лутцу многим венгерским евреям во время Второй мировой войны удалось эмигрировать в Палестину. Всем кандидатам на эмиграцию, ожидающим отправки, Лутц выдавал специальные письма (охранные грамоты) о том, что они находятся под покровительством правительства Швейцарии.

Владельцы таких писем, по согласованию с венгерскими властями, не могли быть вывезены за пределы страны, не могли быть направлены в так называемые рабочие лагеря, имели некоторые другие послабления. Кроме выдачи защитных писем Лутц, например, размещал людей в домах своих знакомых, которым доверял. Как было подсчитано впоследствии, усилиями Карла Лутца, других дипломатов и представителей международных организаций было спасено от гибели 100 тысяч человек, а из них непосредственно Карлом 62 тысячи. К этому можно добавить те 10 тысяч, которым консул Лутц помог достичь Палестины за период с января 1942 по март 1944.

После войны, когда Лутц вернулся в Швейцарию, руководство министерства иностранных дел обвинило его в превышении власти и нарушении своих полномочий. Лишь в 1995 году после публикации результатов исследования о деятельности Карла Лутца в годы второй мировой войны правительство Швейцарии принесло официальные извинения за долгое пренебрежение к его деятельности.

(Из интернета)

Евреи, иудаизм, Израиль

Главы из книги

VI

Антисемитизм
От возникновения до Катастрофы

(Продолжение. Начало в журнале № 5)

Воистину «Б-га мы сердим нашими грехами, людей — достоинствами». «Вера гоев в евреев, — констатирует рабби Адин Штейнзальц, — превосходит веру евреев в самых себя». «Как? Ни одного еврейчика? Нет, ничего у этой комиссии не выйдет». — Так, по словам В. М. Молотова (Ф. Чуев «140 бесед с Молотовым», Терра, 1991 г.) сказал Ленин Сталину, принесшему для согласования состав какой-то комиссии. «В силу этой амбивалентности (ненависть — уважение) и непонятной еврейской устойчивости антисемитизм стремится унизить, растоптать, искорёжить душу еврея, внушить ему чувство собственной неполноценности, заставив его относиться к себе как к человеку второго сорта», — говорит рабби Меир Кахане («Никогда больше»). И подтверждая его слова, Гр. Рыскин пишет («Форвент» 166, 1998 г.): «Вместе с российской ментальностью мы (некоторые из нас) усвоили тамошний антисемитизм и вот теперь смотрим на себя глазами антисемита». Не забудем также «капеллу дрессированных евреев» генерал-полковника Давида Драгунского, клеймившую в 70-е годы сионизм и «нацистское государство» Израиль.

Ещё одним рациональным объяснением является теория «козла отпущения»: власти часто использовали «свободу антисемитизма» для сбрасывания паров народного недовольства» (А. А. Бовин). Действительно, кто лучше галутных евреев, этих «бездонных космополитов», вечных перекати-поле, подходил для этой роли, ведь они «чужие» (А. И. Солженицын) для любого народа, среди которого проживают. И поэтому антисемитизм всегда был оружием тиранов, диктаторов, всех правителей тоталитарных режимов. Происками мирового еврейства объясняли они своим народам причины их бедствий. Если бы евреев не было, их следовало бы выдумать! Однако ненависть разрушает не только объект ненависти, но и её носителя, и потому антисемитизм есть зеркало собственных недостатков антисемитов, общественных устройств и государственных систем. «Скажи мне, в чём ты обвиняешь евреев, и я скажу, в чём ты сам виноват» — читаем мы у Василия Гроссмана в романе «Жизнь и судьба», Lage

Услышал вновь я голоса набатов
И бомб летящих леденящий вой,
В огне и дыме грозные раскаты-
Так прошлое встает передо мной.

Гудят колокола моего детства-
Скелетами разрушенных
домов...
Война нам не оставила
в наследство
И пепла не вернувшихся отцов.

Колокола, звоните непрестанно,
В сердцах людей всегда должны
вы жить...

Колокола, гудите постоянно,
Не дайте людям прошлое забыть.

Л. Сивак

Д'Homme, 1980 (Нужно ли удивляться, что КГБ арестовало этот роман. К счастью, рукописи не горят!). «Антисемитизм всегда ущербен... свою ущербность он переносит на евреев, сообщая им черты своего внешнего и внутреннего уродства». Гр. Рыскин (Форвэц, №166, 1998г). Евреев обвиняли даже в преступлениях, которыми оправдывали против них же обращённые зверства. Чем чудовищнее была ложь, тем скорее она усваивалась.

«Чем больше вина людей против какого-либо народа, тем глубже их ненависть и пренебрежение к жертве. Спесь и тщеславие... мешают возникновению угрызений совести», — говорит Альберт Эйнштейн («Научные, моральные и общественные концепции»). «Мы не любим людей за то зло, которое мы им делаем» (Лев Толстой, «Живой труп»).

Известный юдофоб В. В. Шульгин различал три рода антисемитизма: расовый или «инстинктивный», мистический или «интуитивный» и, наконец, политический или «рациональный». И считал себя сторонником последнего. (Статья «Что нам в них не нравится: об антисемитизме в России», Париж, 1929 г.).

С классификацией или без антисемитизм гораздо глубже. Рациональных объяснений (приведённых выше и других, неизвестных автору) явно недостаточно: антисемитизм не укладывается в логические схемы. «Антисемитизм, — утверждает рабби Ицхак Зильбер («Пламя не спалит тебя»), — явление абсолютно иррациональное. Если в одних странах нас ненавидят за то, что мы бедны и нищи, то в других — за то, что мы богачи, буржуи, эксплуататоры. Если на одном краю земли мы внушаем племенам, среди которых живём, отвращение своей крепкой верой, религиозным фанатизмом, то на другом краю света нас считают распространителями опасного вольнодумства (примерно так последние 100 лет относятся к евреям в России). В одних местах нас ненавидят за пассивность, в других же — там, где мы активно участвуем в общественной жизни (средневековая Испания, Германия накануне прихода Гитлера к власти), — нас ненавидят именно за это... Так что логики в антисемитизме искалечь не приходится...»

За всё на евреев найдётся судья.
За живость, за ум, за суетность,
За то, что еврейка стреляла в вождя,
За то, что она промахнулась.

Игорь Губерман

Антисемитизм существует даже там, где евреев нет. Ну, сколько евреев в Японии? Всего две тысячи среди 126 миллионов её жителей. Однако «Протоколы сионских мудрецов» издавались там в 1924 и 1938 годах и переиздаются до сих пор. А профессор экономики Мандати Яджима опубликовал в 1986 году книгу «Искусство еврейских протоколов между строк», в которой обвинил евреев в... русско-японской войне 1904 года, в организации большевистской революции, в Первой и Второй мировых войнах, в Корейской и Вьетнамской войнах — во всех мировых катализмах.

Так может быть, прав Александр Бовин («Записки ненастоящего посла»): «Антисемитизм есть в значительной мере проблема самих антисемитов, выражение их комплексов неполноценности, собственной ущербности и неудовлетворённости?» Именно так — утверждает Василий Гроссман («Жизнь и судьба»): — «Антисемитизм есть выражение бездарности. Неспособности победить в равноправной жизненной борьбе всюду — в науке, в торговле, в ремесле, в живописи. Антисемитизм — мера

человеческой бездарности (выделено мною — С. Д.)». Об этом же за годы до него писал и Николай Бердяев («Христианство и антисемитизм», 1938 г.): «В основе антисемитизма лежит бездарность. В этом есть что-то жалкое. Есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учёными и философами. Бороться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унизительно думать, что свобода оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев».

Итак, объяснить антисемитизм рациональными причинами на подобие объяснения, например, физических законов невозможно. Он представляется иррациональным, и все приводимые причины в лучшем случае объясняют его интенсивность, глубину, устойчивость в истории.

И мы возвращаемся к тому, с чего начали: «Фундаментальная причина антисемитизма — это то, что сделало евреев евреями — иудаизм» (Д. Прейгер и Д. Телушкин). Поэтому, если исключить расовый антисемитизм нацизма, антисемитизм не выступает против конкретного еврея. Аксиомой антисемитизма стало заявление почти каждого известного антисемита, что в числе его лучших друзей имеется еврей (этот еврей, правда, давно порвал с еврейством, но этнически он остаётся евреем). Антисемитизм ненавидит еврейство: еврейский образ жизни, еврейский менталитет, все три компоненты иудаизма: Б-га, Тору, народ Израиля. И этой своей ненавистью антисемитизм побуждает многих евреев к сопротивлению, укрепляя их дух, «делает евреев евреями». (Жан-Поль Сартр)

Религиозный антисемитизм принёс нам изгнание, инквизицию, гетто и погромы, расовый антисемитизм — Катастрофу XX века. Как назвать антисемитизм конца XX — начала XXI веков? Может быть сионистским, ибо сегодня государство Израиль и евреи всего мира обвиняются ни много ни мало в расовых преступлениях наподобие нацистов. Что принесёт нам эта новая форма антисемитизма? Верю: приход Мashiаха!

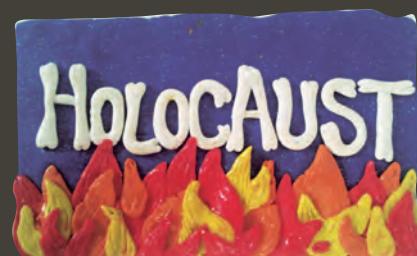
6.4. Исторические периоды антисемитизма

«В каждом поколении появляются те, кто хочет нас уничтожить»

Пасхальная Агада

«Разнообразны виды антисемитизма, — пишет Василий Гроссман («Жизнь и судьба»), — идейный, внутренний, скрытный, исторический, бытовой, физиологический. Разнообразны его формы: индивидуальный, общественный, государственный...» Антисемитизм — самая продолжительная и самая глубокая ненависть в человеческой истории» (Эдвард Х. Фланнери). Проследим его периоды.

Языческий период. Монотеизм, Б-жественный Закон и Мораль принесли евреи в мир язычников. Это вызвало такую злобу и ненависть, что именно тогда возник «кровавый навет» — абсурднейшее и наиболее зловещее обвинение евреев в ритуальных убийствах. Это обвинение изобрели греки во II веке до нашей эры в период войн Хасмонеев, прозванных Маккавеями, против эллинизации. У Иосифа Флавия («Против Апиона») читаем, что некий грек по имени Апион утверждал, что «евреи

ежегодно хватают греческого путешественника, прячут его в Храме и откармливают в течение года. Затем торжественно убивают и поедают...» Философ Демокрит увеличил промежуток между ритуальными убийствами до 7 лет (Э. Китов «Книга нашего наследия», Иерусалим, 1991 г.): «Раз в 7 лет евреи похищают иноземца и приносят его в жертву, разрывая на множество частей».

Восприемник Греции Рим легко аккумулировал греческий антисемитизм. Цицерон называл евреев «презренным народом, который был побеждён, покорён и обложен данью». Тацит возмущался: «всё, что мы отвергаем, они разрешают; всё, что мы разрешаем, они отвергают и даже отказываются от связей с чужими женщинами». Вместе с греческой культурой римляне заимствовали и идею «кровавого навета и распространяли её по всем провинциям своей империи.

Христианство. «Христианство — это вера в единого Б-га, надетая на души идолопоклонников». Оно возникло и сформировалось как религиозное учение среди евреев Эрец-Исраэль. Иисус был евреем, и слова его были обращены исключительно к евреям: «Я послан только к заблудшим овцам дома Израилева» (Евангелие от Матфея). Все проповеди его основывались на еврейских источниках, но евреи отвергли его, увидев в них одну из ересей...

Все четыре канонизированных евангелия, рассказывающие историю Иисуса, составлены гораздо позже описываемых в них событий, якобы имевших место. Из этих текстов христианские учёные заключили, что годы жизни Иисуса — это 4 год до н.э. — 31 год н.э. (Иосиф Флавий в книге «Иудейские древности» упоминает об Иисусе в связи с его рассказом о его младшем брате Яакове. Однако современные исследователи полагают, что это — поздняя вставка, сделанная в VIII — IX веках). Евангелие от Марка относят к 70-72 годам н.э., евангелие от Луки — к 85-90 и даже к 100-му году н.э., евангелие от Матфея — к 90-95 годам и, наконец, евангелие от Иоанна, самое злобное по отношению к евреям, — к 110 году н.э. (Хаим Коэн «Иисус — суд и распятие», Иерусалим, 1997 г.). Иоанн называет евреев дьяволом или сынами дьявола. Иоганн Себастьян Бах написал мессу «Страсти по Иоанну», в которой использовал самые антисемитские фрагменты текста. «Распни его, распни!» — кричат в мессе евреи.

В евангелиях рассказывается, что Иисус объявил себя Мессией (Машиах — на иврите), что означает «помазанник» (помазан на царство: пророк Шмуэль помазал густым елеем на царство сначала Шауля, а позднее Давида). По-гречески «помазанник» — «христос». Иисус — греческая форма еврейского имени Иегошуа (в греческом языке нет звука «ни», поэтому — Иисус вместо Иегошуа, Моисей вместо Моше, Соломон вместо Шломо, Суббота вместо Шабата, мессия вместо машиаха и т.д.).

Авторы евангелий, по-видимому, имели слабое представление о еврейском образе жизни, ибо их рассказы о событиях в Храме и в последующие дни весьма неправдоподобны.

Материал из интернет — рассылок Эдуарда Мастова.

Продолжение читайте в № 8.

Последняя речь Марины Солодкиной

Вот что написала Марина Солодкина на своей странице в Фейсбуке перед поездкой в Ригу 14 марта с.г.:

Поездка в Латвию

Я уезжаю на несколько дней в Ригу - столицу Латвии по приглашению антифашистского комитета этой страны. 16 марта там пройдет ежегодный марш легионеров и их последователей. Я буду участвовать в Круглом столе, посвященном событиям Второй мировой войны, и методам противостояния неонацизму в Восточной и Западной Европе, в постсоветских государствах. Среди участников - международные организации, например Мир без нацизма, ксенофобии и антисемитизма, члены Европейского, латышского и других парламентов, общественные деятели различных стран. Не все страны прошли полную денацификацию как Германия. Оправдания и возрождения нацизма нельзя допустить нигде!!!

Последнее выступление Марины Солодкиной (Рига. 16 марта 2013 г. Круглый стол, организованный движением «Мир без нацизма».)

- Спасибо за приглашение на эту конференцию. Своими глазами увидеть это гораздо важнее, чем прочитать в Интернете. Увидеть марширующую молодежь, самим участвовать в возложении венков жертвам нацизма - все это было очень важно. Но я не про это хочу говорить. Я хочу призвать латвийский парламент и латвийское правительство к здравому смыслу. Я очень люблю латышей, и я не понимаю, зачем они ложатся в кровать, где лежат заразные больные? Зачем нужно независимость Латвии связывать с легионерами и той ужасной историей, которые мы про легионеров знаем, потому что у нас в музее Яд вашем есть эти фотографии расстрелянных жертв гетто и концлагерей. Сейчас в Израиль приехали цыгане они тоже организуют Союз и музей Катастрофы, как люди, которые также пострадали от нацистов. И советские военнопленные, то что мы вчера видели в кино в 41- 42 году. Я хочу сказать, что на всех этих совещаниях у меня возникает вопрос: хватит нам жаловаться

на то что было. Надо сказать, что для денацификации Германии к ней были предусмотрены огромные миллиардные компенсации жертвам нацизма. Латвия тоже хочет платить компенсацию? Я хочу сказать, что были уничтожены военнопленные руками легионеров, уничтожены концлагеря, расстреляны мирные граждане разных национальностей, угнаны в рабство жители из соседних русских областей для работы в латышских хозяйствах. Господа, это тянет на огромные счета! В демократиях не надо только призывать к протестам, демократия это – суды. Вот у нас здесь сидит американская делегация, мы должны сказать, что в последние годы, когда казалось, что все счета Второй мировой войны уже закрыты, американский судья открыл дела против Швейцарии и против Италии – за укрытие капиталов жертв Катастрофы, и эти страны начали платить! Если Латвия считает себя правопреемницей легионеров СС, у нас есть юридический кейс. У нас есть юридический кейс не в Латвии, господа – в других судах! Там где не скажут, что это ничего страшного, что уничтожали евреев. Потому что мир состоит из законопослушных граждан, которые хорошо знают, что такое расизм, нацизм и нарушение Женевских конвенций по отношению к военнопленным. Поэтому я предлагаю очень серьезно поднять вопрос, считает ли себя латвийский парламент и правительство правопреемниками фашистских пособников которыми были легионеры. Спасибо!

Выступление записала и прислала по просьбе редакции журнала «Судьбы Холокоста»
Алла Березовская, журналист, Член Антифашистского комитета Латвии

...И вот концерт.
Со сцены - две росинки.
Две капельки осеннего дождя,
Две радостные мамины слезинки-
Две девочки взволновано глядят.

• • •

Вот Фрида быстро подошла к роялю,
А Дифе скрипка на плечо легла,
И первые аккорды прозвучали
И в зал Большая музыка вошла.

• • •

Концерт окончен, позади тревоги.
А впереди каникулы у нас...
Далёкие просторные дороги,
Но вдруг тяжёлый взорвался фугас...

• • •

Был розов Днепр,
В закат катилось лето.
Пылили вербы жёлтою листвой,
А за колючей проволокой гетто
Их сторожил фашистский часовой.

• • •

Щекою бледной нежно скрипку грея,
Играла Дифа тихо во дворе.
В углу молились старые евреи,
Ребёнок хныкал. Днепр вдали горел.

• • •

Их окружили плотною охраной:
Овчарки. Полицаи, шуцманы...
И повели к былинному кургану.
«Ведут на смерть», - подумала она.

• • •

1.

YAD VASHEM

יָד וָשֵׁם

The Holocaust Martyrs' Remembrance Authority
25\02\ 2013

Уважаемая госпожа Барановская!

Библиотека Яд Вашем искренне признательна Вам за присланные журналы: «Судьбы Холокоста» (6 выпусков).

Издания, подобные Вашему, представляют большую ценность для Яд Вашем, поскольку дают возможность восстановить и сохранить неизвестные ранее страницы истории евреев в годы Второй мировой войны.

Желаем здоровья и благополучия, успеха в продолжении Вашего трудного и важного дела.

С уважением

Зав. русским фондом

Анна Шиндер (роспись)

2. Письмо из Санкт-Петербурга

От наших знакомых, семьи Добродушиных, я узнала, о журнале, выходящем в Израиле: «СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА». Я выросла в Украине, в городе Херсоне. До войны я там училась в 14-ой школе и мне особенно запомнился последний год перед войной, наш 6-ой «А» класс. Кратко напишу о последних днях перед войной, о моих подругах-одноклассницах Дифе и Фриде Халипер, расстрелянных фашистами в 1941-м году в Херсоне. С этими сёстрами-близнецами я очень долго дружила. Отец их был часовщиком. Многие из нас посещали Херсонскую музыкальную школу, и очевидцы расстрела моих подружек рассказывали о том, что в обречённой толпе два детских голоса пели знаменитую песню «Орлёнок». Эту песню пел перед началом войны наш хор детской музыкальной школы.... В один из первых дней войны я встретила Фриду и спрашиваю у неё, когда они собираются уезжать. Как известно, немцы стремительно наступали, и многие жители покидали город. На мой вопрос Фрида ответила:

- А мы не собираемся...

- Ты что, не знаешь, что делают фашисты с евреями на оккупированной территории?..

- Папа думает, что часовые мастера всегда будут нужны... Да и денег у нас нет на переезд... Поверь - нету.

- Извини меня Фрида, но твой папа вредный жмот и вы делаете огромную ошибку!

- А ты всё лучше всех понимаешь, - обиделась Фрида за своего отца...

Мы расцеловались и разошлись. Это была наша последняя встреча... Осенью 1941-го года вся семья Халипер - Дифа, Фрида, 4-х летний Витенька, тётя Рива и её муж были расстреляны фашистами вместе с другими херсонскими евреями. Половина учеников моего любимого 6-го «А» класса тоже легла в жуткие рвы под Херсоном. Мне известно о трагической судьбе одного из наших соучеников. Паша Синельников ушёл на фронт в первые дни войны, попал в плен и раненый бежал из плена. Он вернулся в Херсон к своей любимой девушке, но она выдала его фашистам. Ведь за укрывательство евреев или даже детей смешанных браков гитлеровцы грозили смертной казнью

Если возможно, поместите на страницах вашего журнала стихотворение, которое я посвятила памяти моих подружек Диры и Фриды Халипер, буду очень благодарна.

Клара Аникина.

От редакции:

Мы благодарны Вам, уважаемая Клара Борисовна, за ваше письмо. К сожалению, технические особенности рубрики «Обратная связь» не позволяют нам опубликовать поэтическое произведение большой формы, поэтому мы печатаем это замечательное стихотворение в сокращенном варианте, в надежде, что автор простит нам этот вынужденный шаг.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

3. Три причины

(Гл. редактору журнала Людмиле Барановской)

Дорогая Людмила!

Невозможно переоценить, то, что ты делаешь. Для этого мало одной настойчивости. Для этого нужно мужество, и оно у тебя есть.

Все идет к тому, что к концу этого века, а может быть, и раньше уже никто не будет верить в Холокост. Для этого есть причины.

Первая: к этому времени не останется чудом уцелевших и переживших его свидетелей, которые его могли бы подтвердить.

Вторая причина: не прекращающаяся, а наоборот активная деятельность антисемитов, всячески пытающихся отрицать или приуменьшать злодействия их самих, кто еще жив, или их отцов и родственников, которых было гораздо больше, чем мы позволяем себе называть. На акцию уничтожения евреев бежали с соседних улиц, как на праздник.

Третья причина: новому поколению, пришедшему в жизнь на рубеже веков, трудно и просто невозможно представить, что в середине прошлого века – совсем недавно – в эпоху расцвета цивилизации, когда уже летали самолеты, плавали подводные лодки и уже было телевидение, оказалось возможным уничтожение целого народа только потому, что этот народ – евреи. Уж не выдумка ли это самих евреев? Ведь этого не может быть, потому, что этого не может быть никогда!

Ты делаешь большое важное дело. Искренне желаю тебе успеха. Не жди награды. Наградой тебе будет уважение и признательность многих.

Позволь и мне присоединиться к их числу.

Гольбрайх Ефим, писатель, публицист.

4. Павел Полян

Недостающее звено

в предыстории Холокоста

(Размышления над перепиской ценой в два миллиона жизней)

(версия для печати)

В Российском государственном архиве социально-политической истории (бывшем Пархархиве СССР) хранится поразительный документ. Это письмо начальника Переселенческого управления при СНК СССР Евгения Чекменева председателю Совета народных комиссаров Вячеславу Молотову от 9 февраля 1940 года.

Вот его полный текст:

«Вх. 3440 СССР Переселенческое управление при Союзе ССР
9 февраля 1940 г. № 01471сг. Москва, Красная площадь, 3 Телеграфно - Москва Переселенческая. Телефон К 095-03

Председателю Совета Народных Комиссаров т. В.М. Молотову Переселенческим управлением при СНК СССР получены два письма от Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР - конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению Правительства СССР с Германией об эвакуации населения, на территорию СССР, эвакуируются лишь украинцы, белорусы, русины и русские. Считаем, что предложения указанных переселенческих бюро не могут быть приняты. Прошу указаний.

Приложение: на 6-ти листах.

Начальник Переселенческого Управления при СНК СССР Чекменев»

Уже одни имена немецких отправителей письма - будь они в письме названы - заставили бы вздрогнуть. Не кто иные, как Адольф Эйхман от Берлинского бюро, а от Венского - Франц Иозеф Хубер. ...Сущность немецких писем передано Чекменевым ясно и четко: Гитлер предлагает Сталину забрать себе всех евреев, оказавшихся к этому моменту на территории "третьего рейха". Лаконичный ответ на этот вопрос: благодарим за лестное предложение, но забрать ваших евреев, извините, не можем!.....

Еврейская эмиграция из Вены сталкивалась в это время с непредвиденными трудностями бюрократического порядка: евреи, в эмиграции которых государство было так заинтересовано, неделями были вынуждены простоять в очередях. Одной из причин тому было первоочередное оформление документов состоятельных и платежеспособных евреев, привлекавших для этого немецких адвокатов с хорошими связями и плативших им за это хорошие деньги, что, конечно же, было недоступно беднякам. Эйхман вступил за еврейских бедняков и восстановил, насколько возможно, "справедливость" в очереди на вышивывание с родины. Оформление необходимых бумаг стоило около 1000 рейхсмарок и занимало от двух до трех месяцев.

В результате за первые два с половиной месяца своей деятельности выпроводили из Авст-

И вот они идут, шагая рядом,
Идут сурово, в ногу, как бойцы.
Под пьяным шутцмановским
взглядом
Идут на смерть
девчонки - близнецы.

• • •

Глаза ясны, светлы,
прекрасны лица.
Их песне гордой до конца
звенеть...
Пусть школа музыкальная
гордиться-
Она их научила петь.

• • •

У самого заветного кургана.
Был вырыт ров от города вдали.
как чёрная зияющая рана.
На теле опозоренной земли...

• • •

Здравствуйте,
уважаемая редакция Журнала «Судьбы Холокоста»!
Пишет вам Наум Шорман из Праги. Мне, к сожалению, не удалось почитать все ваши журналы, но те два номера (5 и 6), которые мне дали на время мои друзья, я прочел от корки до корки. Еще и сыну порекомендовал ознакомиться со статьями, которые меня особенно впечатлили. Не буду писать лишних слов. Скажу только, что журнал – потрясающий. Он не может оставить человека равнодушным, если у него есть душа. Но я пишу вам еще по одному очень важному для меня поводу. Недавно друзья мне прислали по эл. почте статью П. Полян. Я не нашел в вашем журнале ничего об этом интереснейшем факте. Поэтому я на свой риск взялся послать вам ее (правда в сокращении, думаю, автор простит меня милосердно за это). Я же понимаю, что вы не смогли бы напечатать ее всю, это формат не для вашего журнала) с убедительной просьбой опубликовать ее. Ответственность за сокращения я заранее беру на себя. А те, кому захочется прочитать статью полностью, думаю, найдут ее в поисковике.

Об авторе

Павел Маркович Полян (р. 1952) - географ, историк и (под псевдонимом Нерлер) литератор. Сотрудник Института географии РАН, член Союза писателей Москвы, председатель Мандельштамовского общества.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

трии 25 тысяч евреев, а всего за первые полтора года его существования около 150 000 австрийских евреев были вынуждены покинуть страну. В начале ноября 1938 года, то есть всего за несколько дней до Хрустальной ночи, Эйхман направил в Берлин отчет в котором, в частности, напоминал о высказанной им еще в начале 1938 года инициативе организовать аналогичный Центр по выселению евреев во всемперском масштабе. Герман Геринг, от имени Гитлера, подчеркивал перспективы плана "Мадагаскар". Показатели эмиграции и в начале 1939 года были достаточно высокими. Достигнуто это было отчасти благодаря поездкам за рубеж руководителей Венской еврейской общины и Палестинского бюро (последнее добивалось тогда для Австрии квоты на легальный въезд в Палестину), увеличению числа так называемых "китайских транспортов" "Китайские транспорты" служили лишь отчасти для переселения в Шанхай, но главным образом - для нелегальной иммиграции в Палестину.

Гитлер произнес в Рейхстаге 30 января 1939 года свои язвительные слова о поведении демократических стран, проливающих слезы о судьбе несчастных немецких евреев и одновременно отказывающих им во въездных документах. Еще через восемь дней с похожими заявлениями выступил и Альфред Розенберг, чьей шокированной аудиторией были дипломатический корпус и иностранные журналисты: он потребовал от Англии, Франции и Голландии создания еврейского резервата на 15 миллионов человек где-нибудь на Мадагаскаре, или на Аляске.

Эйхман стал поистине ключевой фигурой в реализации всех программ и проектов по "решению еврейского вопроса". Их венцом станет, в конечном счете, организация транзитных лагерей в западноевропейских странах и широкой сети гетто при железнодорожных узлах в оккупированных областях на Востоке, сосредоточение в них миллионов евреев - с последующей их депортацией в концлагеря и лагеря уничтожения. Как практику, ему еще многое предстоит обдумывать, освоить и усовершенствовать. К познаниям в области иудаики и гебраистики придется присовокупить и сведения из химии и физиологии человека, помогающие найти правильное решение при ответе на такой, например, нелегкий вопрос: какой из выпускаемых промышленностью удушающих газов эффективнее и рентабельнее при ликвидации соответствующих порций людского материала. И глубоко заблуждаются те, кто считает его клерком, кабинетной крысой в нарукавниках: командировки в гетто и концлагеря доказывают обратное.

Первой акцией Эйхмана в Берлине стала так называемая операция "Ниско". После оккупации Польши в сентябре 1939 года в немецких руках оказалось почти вчетверо больше евреев, чем их было в Германии до прихода нацистов к власти, - около двух миллионов человек.

Евреев заставляли подписывать заявления об их якобы добровольном переезде в "лагерь для переобучения". Станциями их отправления были Вена, Острава-Моравска и Катовице, а также Прага и Сосновице, а прибытия - главный лагерь Ниско на реке Сан, а также промежуточный лагерь в деревне Заречье на противоположном его берегу. Первый эшелон с 875 евреями был собран 17 октября и отправлен из Остравы... 16 октября 1939 года, по пути, 20 октября, он подобрал часть евреев в Катовице и в тот же день прибыл в Ниско. Всего с 17-18 по 29 октября в Ниско пришло шесть эшелонов, в которых находилось 4-5 тысяч человек.

С собой разрешалось брать до 50 килограммов багажа, помещающегося в сетке вагона над занятым местом. Приборы и инструменты можно было сдать в багаж. Разрешалось иметь два теплых костюма, зимнее пальто, плащ, две пары сапог, две пары нижнего белья, платки, носки, рабочий костюм, спиртовку, керосинку, столовый прибор, ножик, ножницы, карманный фонарик с запасной батарейкой, подсвечник, спички, нитки, иголки, тальк, рюкзак, термос, еду. Денег - не более 200 рейхсмарок. Освобождение от переселения было возможно либо по причине болезни (официально засвидетельствованной), либо при наличии документов, подтверждающих эмиграцию в другую страну.

27 октября депортации были прекращены генерал-губернатором Хансом Франком, желавшим всю свою вотчину сделать "юденфрай" (свободной от евреев). При этом сам лагерь в Ниско был закрыт только в июне 1940 года.

Серьезным фактором стала и новая идея: план "Мадагаскар". Сам по себе этот экзотический остров как место возможного еврейского заселения впервые возник еще в начале века, в сугубо еврейско-сионистских кругах. В 1937 году даже посыпалась на остров специальная польско-еврейская комиссия. Сами евреи отнеслись к этой идеи саркастически, французы - крайне сдержанно, а мадагаскарцы - горячо протестовали против нее.

Но сама идея не забылась, и в 1938-1939 годах, ее подняли на щит нацисты. План "Мадагаскар" представлялся им наименее болезненным средством по обезъевреиванию Европы, причем в качестве возможной "альтернативы" французскому Мадагаскару дебатировалась и бывшая германская Юго-Западная Африка. В декабре 1939 года министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп изложил Папе Римскому мирный план, предусматривавший среди прочего и эмиграцию немецких евреев: в качестве стран иммиграции в этом плане рассматривались Палестина, Эфиопия и все тот же Мадагаскар. Котировки Мадагаскара подскочили особенно высоко после поражения, нанесенного Германией Франции: победитель потребовал себе мандат на управление островом. Германия организует на нем военно-морскую и военно-воздушную базы, а на неоккупированную часть Мадагаскара завезут 4-5 миллионов евреев, которые будут заниматься сельскохозяйственной деятельностью под надзором назначаемого Гиммлером полицай-губернатора.

"Мадагаскар" являлся уже вполне людоедским проектом: этот "райский остров" в климатическом отношении мало напоминал рай для европейских евреев, и по-настоящему акклиматизироваться там они, скорее всего, не смогли бы. От этого плана всерьез отказались только в начале осени 1940 года, когда Гитлер принял решение о нападении на СССР.

В конце 1941 года целая серия эшелонов доставила немецких евреев из Берлина, Кельна и Гамбурга в Ригу и Минск, где все они вскоре - или же с некоторой отсрочкой - были уничтожены.....

Уже в первые дни сентября 1939 на территории, захваченной самим СССР, постоянно проживало 1292 тысячи бывших польских евреев. Большинство еврейских беженцев предпочитало Сталина Гитлеру и жизнь в СССР - лишь бы не остаться у немцев. Тем самым они совершали "бегство из реальности в миф", в частности в миф о справедливом советском строе. Из одной скверной реальности люди бежали в другую, в надежде, что все-таки она лучше и безопасней, чем та, что они в панике покинули.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Отношение к ним со стороны советской власти, прошло через несколько фаз - от "благожелательно-лояльного" осенью 1939 года через "выжидательно-корректное" в первой половине 1940 года и до "требовательно-жесткого", начиная с лета 1940 года, когда значительная часть польско-еврейских беженцев была депортирована на восток СССР.

Была создана советская комиссия под председательством Лаврентия Берии по вопросу учета и трудового использования беженцев как рабочей силы, которой поручались также вопросы “обратной эвакуации” (то есть выдворения назад в Германию) неблагонадежных или нетрудоспособных беженцев. Около 25 тысяч отказались принять советское гражданство и решительно потребовали отправки в Палестину или западноевропейские страны: таких, к неудовольствию немцев, немедленно эвакуировали обратно, а часть была даже арестована. Другая часть спокойно приняла советское гражданство и даже завербовалась на работы внутри СССР, но большинство все же попыталось осесть и закрепиться на новой советской и бывшей польской земле.

Те из беженцев, кто смог найти крышу над головой у своих родственников в советской зоне, кто принял или согласился принять советское гражданство, могли чувствовать себя - по крайней мере, до 22 июня 1941 года - в относительной безопасности. Остальных же ожидала депортация - на север европейской части и пусть в Западную, но Сибирь. Около 77 тысяч человек направили в спецпоселки на севере СССР - в Архангельской, Свердловской и Кировской областях - для использования, главным образом, на лесоразработках. Вместе с тем большинство беженцев до войны были мелкими ремесленниками и торговцами, врачами и так далее: "Стремление портных, сапожников, часовых дел мастеров, парикмахеров и др. быть использованными по специальности, полностью удовлетворить в пределах их расселения не представляется возможным. Поэтому приходится людей этих профессий осваивать на лесе". Экономическую эффективность "освоения портных на лесе" можно было бы поставить под сомнение с самого начала. Но нельзя не отметить, что большинству этих людей отчуждительный отказ немцев в приеме обратно и отвратительная действительность советской депортации спасли жизнь.

...Но как бы то ни было, в начале 1940 года во власти немцев оказалось весома многочисленное еврейское население - до 350-400 тысяч человек в самом рейхе (включая сюда и австрийских евреев, и евреев Чехии и Моравии) плюс более чем 1,8 миллиона на бывших польских территориях. Именно о них, в сущности, и говорится в письме товарищу Чекменеву. Избавиться от них было и психопатической мечтой, и политической целью Гитлера.

Но был ли этот подарок желанен Сталину? Подарок в 2,2 миллиона евреев - 2,2 миллиона людей с мелко- и крупнобуржуазной психологией? Даже с полутора сотнями тысяч польских евреев государство уже так основательно помучилось, отправляя их на торфоразработки или же депортируя! Да и кто знает, не скрывается ли под личиной этого лавочника или того портного немецкий шпион? И если разрешить им вольное проживание по всей стране, то сколько же сил, энергии и затрат потребуется на их чекистско-оперативное обслуживание? И не отправлять же их всех в ГУЛАГ или на спецпоселение, как это было решено и сделано по отношению к нескольким десяткам тысяч еврейских беженцев из Польши?

Итак, отказ СССР от столь лестного предложения Германии был запрограммирован. Приведенные Чекменевым сугубо формальные соображения, в сущности, смехотворны и лукавы. Истинные мотивы отказа лежали, скорее, в другом - в патологической шпиономании сталинского режима, в подозрительно-недоверчивом отношении к классово-буржуазной еврейской массе из капиталистических стран, а также в колоссальных масштабах предложенной иммиграции.

Отдавали ли себе Молотов и Сталин полный отчет в том, какими последствиями для европейского еврейства обернется их отказ? Они вполне могли бы просчитать, что станет с евреями в гетто и концлагерях, когда рутинная депортация уже не будет решать всей проблемы.

Советский дипломат - Федор Раскольников (бывший посол в Болгарии и невозвращенец-эмигрант) в сентябре 1939 года он обратился к Сталину с поистине пророческим открытым письмом: "Еврейских рабочих, интеллигентов, ремесленников, бегущих от фашистского варварства, вы равнодушно предоставили гибели, захлопнув перед ними двери нашей страны, которая на своих огромных просторах может приютить многие тысячи эмигрантов".

Конечно, проще всего было бы откликнуться на обнаруженный документ восклицанием типа: "Ах, оказывается, евреев Германии, Австрии и Польши можно было спасти! Гитлер предлагал их Сталину, а тот не согласился, не спас, оставил их на погибель!" Но думать так было бы очень большим упрощением ситуации. Получив отказ (или, что еще более вероятно, не получив из Москвы никакого ответа), Эйхман едва ли расстроился. Он, привыкший изучать и знать своего врага, был готов и к этому.

Но серия неудач с территориальным решением еврейского вопроса - Ниско, Биробиджан, Мадагаскар, - безусловно, подтолкнула его к поиску и продумыванию других путей "разрешения" этой проблемы куда более радикальных и абсолютно надежных. Казнь вместо высылки, газовые камеры вместо гетто, яры и карьеры вместо лагерей, братские могилы вместо Мадагаскара или Сибири.

Да, вопрос тогда так и остался открытым. Но ненадолго - года на полтора. Его позднейшее и иное решение, как известно, вошло в историю под страшным именем Плохой, а также потому, что оно было сделано в результате политики Медведчика или Сирии.

От редакции

Желающим прочитать полный вариант статьи Павла Марковича Полян публикуем ссылку <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/pr16-pr.html>

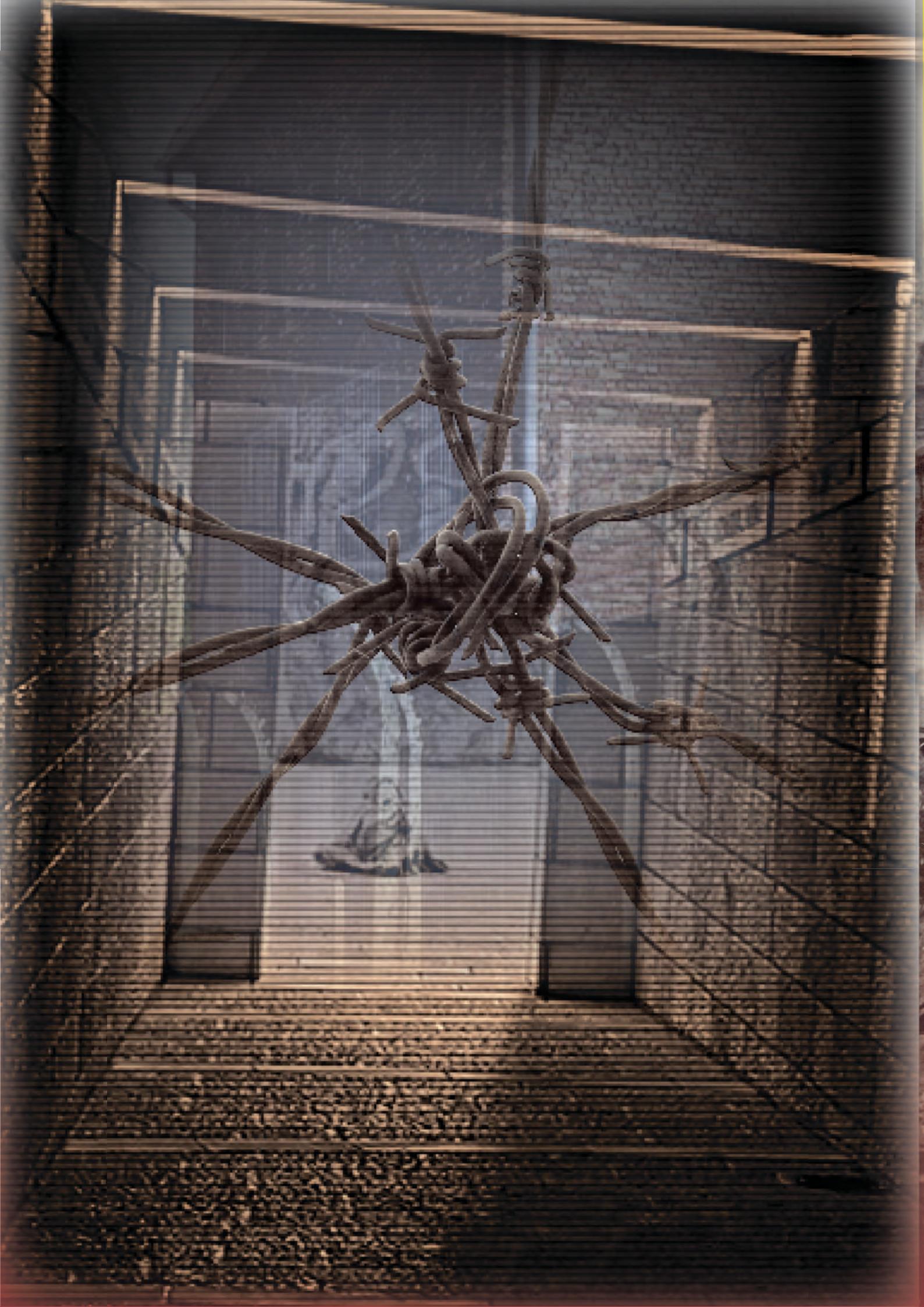
5. От автора книги

«ПОДРУГИ ОГНЕННЫХ ЛЕТ» ДОРЫ НЕМИРОВСКОЙ.

«...Ценю и уважаю вас за то, что вы делаете свое дело достойно, не требуя особых льгот и привилегий. Желаю здоровья, счастья, удачи.

Ваш друг Дора.»

СУДЬБЫ ХОЛОКОСТА

- ПРИВИЛЕГИЯ,
ОБРЕМЕНЕННАЯ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ
- ХРОНИКА МОЕГО ВЫЖИВАНИЯ
- НАЧНЕМ С ПЛОДОВ
- ГЕРОИЗМ
- МЫ ЖИВЫЕ И МЫ ГОВОРИМ
- КАРТИНЫ ВАРШАВСКОГО ГЕТТО
- МЕСТЕЧКО МОЕ, ЗАГНИТКОВ
- «ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ХОЛОКОСТА»
- БИБЛИОТЕКА
- ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ